

ISSN: 3033-683X

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL
JOURNAL OF
ADVANCED
RESEARCH

№ 2 / 2025

<https://ijar-journal.com/>

Главный редактор журнала:

Новиков Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Антропцева Ирина Олеговна, доктор юридических наук, отделение «Высшая школа правоведения», РАНХиГС, Москва, Россия

Богатырев Валерий Викторович, доктор юридических наук, профессор Юридического института Владимирского государственного университета, Владимир, Россия

Гаврильченко Юлия Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Ганеш Ануш, PhD, Университет Эксетера, Экстер, Великобритания

Должиков Алексей Вячеславович, доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Каляшин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия

Косолапов Михаил Федорович, доктор юридических наук, кафедра международного права, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Кузнецов Евгений Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Кумар Судханшу, PhD, доцент кафедры юриспруденции, Национальная юридическая школа Индии, Бангалор, Индия

Кханна Вандита, доктор наук (юридический факультет), Кёльнский университет, Кёльн, Германия

Лазарев Сергей Викторович, доктор юридических наук, кафедра гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Мазеин Артем Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Российский технологический университет МИРЭА, Москва

Макеева Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

Мещанова Мария Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мукерджи Уджал Кумар, доктор философии (PhD) по праву, Западно-Бенгальский национальный университет юридических наук, Калькутта, Индия

Рагозина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Савенок Анатолий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Себастьян Джон, PhD, доцент, Глобальный университет OP Jindal, Сонипат, Индия

Смирнов Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, кафедра трудового и финансового права, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, адвокат, Москва, Россия

Ткачева Наталья Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Фомичева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, Орск, Россия

Шахрай Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Шрирам Сангита, доктор наук, доцент, Центральный университет Тамил-Наду, Тируварур, Индия

Учредители:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://ijar-journal.com/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90280

ISSN: 3033-683X

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© International Journal of Advanced Research, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «International Journal of Advanced Research» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «International Journal of Advanced Research» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Novikov Andrey Borisovich, Doctor of Laws, Professor, Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Antroptseva Irina Olegovna, Doctor of Laws, Higher School of Jurisprudence, RANEPA, Moscow, Russia

Bogatyrev Valeriy Viktorovich, Doctor of Laws, Professor, Law Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russia

Gavrilenko Yuliya Petrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Ganesh Anush, PhD in Law, University of Exeter, Exeter, UK

Dolzhikov Aleksey Vyacheslavovich, Doctor of Laws, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Kalyashin Andrey Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, RANEPA Vladimir Branch, Vladimir, Russia

Kosolapov Mikhail Fyodorovich, Doctor of Laws, Department of International Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Kuznetsov Evgeniy Nikolaevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Kumar Sudhanshu, PhD in Law, Associate Professor of Jurisprudence, National Law School of India University, Bangalore, India

Khanna Vandita, Doctor of Laws, University of Cologne, Cologne, Germany

Lazarev Sergey Viktorovich, Doctor of Laws, Department of Civil Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Mazein Artem Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

Makeeva Irina Sergeevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

Meshchanova Maria Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Mookherjee Ujal Kumar, PhD in Law, West Bengal National University of Juridical Sciences, Kolkata, India

Ragozina Natalya Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Savenok Anatoly Leonidovich, Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Sebastian John, PhD, Associate Professor, OP Jindal Global University, Sonipat, India

Smirnov Dmitriy Aleksandrovich, Doctor of Laws, Department of Labour and Financial Law, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Suvorov Evgeniy Dmitrievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Attorney at Law, Moscow, Russia

Tkacheva Natalya Nikolaevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Fomicheva Olga Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Orsk Branch of Moscow University of Finance and Law, Orsk, Russia

Shakhray Irina Sergeyevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Sriraam Sangeetha, PhD, Associate Professor, Central University of Tamil Nadu, Thiruvavur, India

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://ijar-journal.com/>

Media registration number: No. FS77-90280

ISSN: 3033-683X

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© International Journal of Advanced Research, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.2. Public-legal (state-legal) sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "International Journal of Advanced Research" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using the published materials of the journal, a link to the "International Journal of Advanced Research" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	8
Аткинсон Дж. ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВАМИ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ВОЗВРАТЕ ТОВАРА	8
Харрисон К. ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТВОДА ЭКСПЕРТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	18
Фарралл С. К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В СТ. 17 ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА РФ	28
Ларраури Е. ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, СОВМЕСТНО ПРОЖИВАЮЩИХ В ОТСУТСТВИИ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО БРАКА	38
Иесуэ Л. О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА	49
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	62
Дерлич Д. О СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	62
Дакен Дж.С. ОБЖАЛОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	77
Айкен М. ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАПРЕТА МОНОПОЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЯХ»	90
Самараратне Д. О ТРУДНОСТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	102
Джохурун Н.Дж. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ: ФОРМАЛЬНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	116

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.124, 366.5

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВАМИ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ВОЗВРАТЕ ТОВАРА

Аткинсон Джо, к.ю.н., Саутгемптонский университет, Саутгемптон, Великобритания, joeatkinslaw@mail.ru

Аннотация

В статье исследована проблема злоупотребления правами потребителя при возврате товара. Актуальность темы продиктована широкой распространённостью случаев злоупотребления при отсутствии чётких механизмов, которые бы позволяли такого рода злоупотребления предупреждать. В рамках статьи рассмотрены базовые нормы Закона РФ о защите прав потребителей, особенное положения ст. 26.1 относительно защиты прав потребителей товаров, реализуемых дистанционным способом. Основное внимание уделено проблематике наиболее явного злоупотребления правами потребителей и феномену потребительского экстремизма, который пока ещё не получил нормативного закрепления, но активно используется в судебной практике, научной литературе и профессиональном дискурсе для характеристики случаев наиболее явного злоупотребления, носящего зачастую систематический характер. Рассмотрены некоторые примеры злоупотребления правами потребителя, а также нюансы судебной практики. Признается наличие случаев систематического обращение в судебные органы по вопросу защиты потребительских прав с идентичными исками, но такие факты не рассматриваются судами в качестве злоупотребления. Сделан вывод о том, что законодательство о защите прав потребителей не сбалансировано в части равной защиты интересов потребителя и продавца. Предложено пересмотреть ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей, а так также учитывать при разбирательстве

по делам наличие фактов иных судебных разбирательств по аналогичным делам с участием истца.

Ключевые слова: возврат товара, договор купли-продажи, защита прав потребителей, злоупотребление правом, интересы продавца, потребительский экстремизм

Статья поступила в редакцию 17.07.2025, одобрена после рецензирования 24.09.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

THE PROBLEM OF ABUSE OF CONSUMER RIGHTS WHEN RETURNING GOODS

Joe Atkinson, Candidate of Law, University of Southampton, Southampton, United Kingdom

Abstract

The article examines the problem of abuse of consumer rights when returning goods. The relevance of the topic is dictated by the widespread incidence of abuse in the absence of clear mechanisms that would allow such abuse to be prevented. The article considers the basic norms of the Law of the Russian Federation on Consumer Rights Protection, especially the provisions of art. 26.1 regarding the protection of consumer rights of goods sold remotely. The main attention is paid to the problems of the most obvious abuse of consumer rights and the phenomenon of consumer extremism, which has not yet been normalized, but is actively used in judicial practice, scientific literature and professional discourse to characterize cases of the most obvious abuse, which is often systematic. Some examples of abuse of consumer rights, as well as nuances of judicial practice, are considered. It is recognized that there are cases of systematic appeals to judicial authorities on the issue of consumer rights protection with identical claims, but such facts are not considered by the courts as abuse. It is concluded that the

legislation on consumer protection is not balanced in terms of equal protection of the interests of the consumer and the seller. It is proposed to revise Article 26.1 of the Law on Consumer Rights Protection, as well as to take into account the facts of other court proceedings in similar cases involving the plaintiff in the proceedings.

Keywords: return of goods, purchase and sale agreement, consumer protection, abuse of rights, seller's interests, consumer extremism

Введение

Федеральный законодатель, учитывая слабую позицию потребителя в рамках отдельных правоотношений, где на одной стороне выступает организация или индивидуальный предприниматель, а на другой – гражданин как потребитель, создал достаточно прочную систему юридических гарантий для последнего.

На сегодняшний день институт защиты прав потребителя является одним из наиболее развитых в российской правовой системе, если оценивать его именно с позиции граждан-потребителей. Совершенно иной становится оценка, если ее давать с позиции субъектов предпринимательства, нередко сталкивающихся с проблемой злоупотребления со стороны потребителей их правами, в том числе при возврате товара. Зачастую подобные злоупотребления приобретают настолько явный и массовый характер, что именуются «потребительским экстремизмом».

Механизмы, которые позволяют разрешать ситуации, связанные с злоупотреблением правом, в сфере отношений с участием потребителей развиты ещё не в полной мере, а потому проблема злоупотребления правами потребителя при возврате товара остаётся в числе наиболее острых.

Основная часть

Законодательно вопросы защиты прав потребителя в настоящее время регламентированы нормами Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) и Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав

потребителей» [2] (далее – Закон о защите прав потребителей). Последний нормативный акт наделяет потребителей достаточно широкими правами, позволяя им, в частности, возвращать, обменивать товар, получать соответствующие компенсации и т.д.

В целом предусмотренные указанным законом гарантии представляются разумными. Более того, они крайне необходимы, поскольку способствуют укреплению законности, развитию добросовестных практик, обеспечивают нацеленность субъектов бизнеса на максимально высокое качество предоставляемых услуг и реализуемых товаров.

В частности, указанный закон предписывает предоставлять потребителю всю надлежащую информацию о товаре устанавливая за ненадлежащую информацию ответственность (ст. 12), обязывает заменять товар ненадлежащего качества (ст. 21), возвращать товар в определённых случаях. В целом это значимые правовые гарантии, которые ни в коем случае не ставятся в данной статье под сомнение. Сказанное, однако, не означает, что автор безоговорочно поддерживает все гарантии.

Особого внимания здесь требует вопрос защиты прав потребителей применительно к случаям приобретения товара надлежащего качества. Например, ст. 25 рассматриваемого закона закрепляет право потребителя обменять товар надлежащего качества, а основанием для такого обмена законодатель предусматривает несоответствие товара нуждам потребителя по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру и комплектации. И в течение 14 дней любой товар, являющийся непродуктовыми, может быть обменян (в скобках за некоторыми исключениями). Если же нужный товар отсутствует у продавца, то он обязан вернуть по требованию продавца уплаченную за товар сумму в течение 3 дней, если потребитель откажется от товара.

Такой подход, безусловно, оказывается крайне удобен потребителям, однако для субъектов предпринимательской деятельности он влечёт весьма высокие риски. По сути, создаются условия, при которых гражданин имеет

возможность, попользовавшись товаром в течение 2-х недель, осуществить его возврат либо обмен на аналогичный новый товар при наличии даже весьма несущественных мотивов. И если в целом потребительские характеристики товара сохранились, в том числе его товарный вид, то каких-либо возможностей законно отказать в возврате или обмене на другой аналогичный товар у продавца нет, даже если потребитель явно злоупотребляет своими правами. Но в таком случае, по сути, продавец, вернув денежные средства в полном объеме, может получить от потребителя товар, бывший в употреблении, пусть и без признаков, которые заметны при визуальной оценке его состояния.

Здесь важно подчеркнуть принципиальную разницу между возвратом или обменом товара ненадлежащего качества, и возвратом либо обменом товара надлежащего качества. Эти случаи принципиально отличаются. В первом случае вряд ли могут быть какие-то аргументы в пользу продавца. Что же касается второго случая, то было бы уместно встать на сторону продавца, однако законодатель придерживается иной позиции.

Особый интерес представляют положения ст. 26.1 Закон о защите прав потребителей, позволяющие потребителю отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи – в течение 7 дней, если продажа совершена дистанционным способом. Это ещё больше расширяет возможности потребителей злоупотреблять своими правами. Между тем, в литературе отмечается специфика дистанционного способа продажи товаров, выражающаяся, в частности, в отсутствии у потребителя возможности непосредственно ознакомиться с товаром перед его покупкой [8, с 226]. Отсюда и достаточно широкие возможности, связанные с возвратом товара.

Не случайно в юридическом дискурсе сформировался даже новый термин – «потребительский экстремизм», о котором нередко упоминается и в материалах судебной практики, и в научных исследованиях, и СМИ [5]. Однако в нормативных документах такое понятие отсутствует, что не позволяет

однозначно его трактовать и соответствующим образом квалифицировать те или иные действия потребителей с позиции подобного нарушения.

А в целом можно понять законодателя и те причины, по которым он до сих пор не использовал данное понятие для регламентации соответствующих правоотношений с участием потребителей. Само понятие «потребительский экстремизм» чрезмерно политизировано и не конкретизировано. Однако есть и близкое ему понятия, например, злоупотребление правами [5].

Однако, когда речь ведётся о «потребительском экстремизме», представляется очевидным, что использующие это понятие авторы стремятся подчеркнуть особый характер злоупотребления, злостность и пр. Поэтому понятие «злоупотребление» не всегда адекватно может отразить поведение потребителя, намеренно использующего собственные права во вред продавцу.

Наиболее яркими примерами злоупотребления потребителем своими правами, которое можно условно рассматривать как «потребительский экстремизм», являются:

- возврат одежды после ее носки в течение 14 дней;
- создание препятствий по исполнению принятых обязательств;
- выдвижение нередко надуманных требований о причинении вреда [6].

Очевидно, что в таком случае использование потребителем норм о защите прав потребителя в целях возврата или обмена товара принимает совсем другой характер. То есть, он не пытается восстановить реально нарушенные права, а именно извлекает иную материальную выгоду, в том числе финансовую.

Конечно, данный перечень примеров не является исчерпывающим, и потенциально можно привести сколько угодно примеров злоупотребления правами, связанными с возвратом или обменом товаров. Однако, суть не в этом.

Рассматриваемая проблема может быть не столь очевидной, если имеют место единичные случаи, а стоимость товара не слишком высока. Однако в случаях, когда имеет место подобного рода злоупотребления в отношении дорогостоящих товаров, проблема принимает совершенно другой характер. Так

или иначе, это может существенно угрожать экономической безопасности компании, существенно повышать риски ведения предпринимательской деятельности [4, с. 176].

Рассматриваемая проблема потребительского экстремизма и в целом злоупотребления правами потребителя настолько серьёзна в отдельных случаях, что в литературе она рассматривается даже в контексте уголовного права, с позиций возможного привлечения субъекта к уголовной ответственности [7]. Однако, пока не приходится говорить о том, что соответствующие инструменты разработаны, внедрены и применяются. Поэтому вопросы разрешения проблемы злоупотребления правом находятся исключительно в гражданско-правовом и гражданско-процессуальном русле.

Некоторые примеры судебной практики весьма наглядно иллюстрируют всю остроту проблемы злоупотребления правами потребителя отдельными гражданами. Так, в 2022 г. Четвертым кассационным судом было рассмотрено в порядке обжалования одно из дел. В рамках него гражданка Л. обратилась в суд с иском к акционерному обществу с намерением взыскать компенсацию морального вреда, который был причинён, как она полагала, нарушением её потребительских прав. Обосновывая свои исковые требования, она указывала, что приобрела у ответчика форель в вакуумной упаковке, однако продукт оказался с истёкшим сроком годности. Тем не менее, она приняла его в пищу, а о факте истечения срока годности узнала уже после. Далее она осуществила возврат просроченного товара.

Далее истица сочла, что её потребительские права были нарушены, в связи с чем я обратилась в суд с иском. Первоначально в иске было отказано. Далее решение было отменено, и по нему принято новое решение, по итогам которого с акционерного общества в пользу истицы взыскана соответствующая компенсация морального вреда. Организация в кассационном порядке обжаловала решение. Аргументируя свою позицию, ответчик подчеркнул, что требования истицы изначально в добровольном порядке удовлетворил,

возвратив денежные средства в полном объёме, уплаченные за товар. Сам же факт обращения истца в суд, с учётом факта удовлетворения его требований, ответчик расценил как недобросовестное поведение. Но апелляционный суд с этим не согласился. Более того, ответчик подчеркнул системный характер действий истца, сочтя это как признак проявления «потребительского экстремизма». В результате рассмотрения дела в кассационном порядке суд, тем не менее, встал вновь на сторону истца, оставив кассационную жалобу акционерного общества без удовлетворения [3].

В данном случае мы не сомневаемся в законности и обоснованности судебного решения. Тем не менее, сами действия истца требуют внимания. Он приобрёл товар просроченный, хотя мог убедиться в его несоответствии потребительским качествам. Особенно в этом случае стоит обратить внимание на системный характер предъявления исков. Законодатель же, к сожалению, на данные нюансы особого внимания не обращает.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Действующее законодательство характеризуется дисбалансом в пользу потребителей и защиты их прав. Права же субъектов предпринимательской деятельности в правоотношениях с участием потребителей законом охраняются не столь последовательно. В этих условиях создаются возможности злоупотреблять их правами.

2. Законодательство нуждается в пересмотре, особенно применительно к случаям возврата или обмена товара надлежащего качества. Считаем, что ст. 26.1 должна быть пересмотрена, и из нее было бы разумно исключить возможность необоснованного возврата товара.

3. Другой значимой мерой предлагается учет наличия аналогичных споров с участием конкретного потребителя, обращающегося в суд в защиту своих потребительских прав. Систематический характер обращения в суд, участие в множестве идентичных споров в качестве истца должно рассматриваться как

признак «потребительского экстремизма». Исходя из этого и следует разрешать дела. Однако это не означает, нарушения, которые имеют место в деятельности субъекта предпринимательской деятельности, должны игнорироваться.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
3. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2022 по делу № 8Г-29160/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311103890>
4. Голанова Ю.А. Потребительский экстремизм как угроза для предпринимателей // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 175–183.
5. Морозов А.С. Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами? // Социология и право. 2023. Т. 15, № 4. С. 606–615.
6. Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Стрельников И.А. Пределы защиты прав потребителей // Актуальные проблемы права. 2022. № 9. С. 83–87.
7. Файзрахманов Р.Р. Потребительский экстремизм: возможности уголовной ответственности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3(56). С. 295–299.
8. Шайдуллина В.К. Возврат и обмен товаров надлежащего качества при дистанционном способе торговли: проблемы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 2. С. 223–226.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.

2. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 07.07.2025) «O zashhite prav potrebitelej» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 140.
3. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 15.12.2022 po delu № 8G-29160/2022 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311103890>
4. Golanova Yu.A. Potrebitel'skij e`kstremizm kak ugroza dlya predprinimatelej // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2021. № 16. S. 175–183.
5. Morozov A.S. Potrebitel'skij e`kstremizm (terrorizm): samostoyatel'ny`j pravovoj fenomen ili vid zloupotrebleniya pravami? // Sociologiya i pravo. 2023. T. 15, № 4. S. 606–615.
6. Ratnikova V.I., Strel'nikova N.V., Strel'nikov I.A. Predely` zashhity` prav potrebitelej // Aktual'ny`e problemy` prava. 2022. № 9. S. 83–87.
7. Fajzraxmanov R.R. Potrebitel'skij e`kstremizm: vozmozhnosti ugovolnoj otvetstvennosti // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2021. № 3(56). S. 295–299.
8. Shajdullina V.K. Vozvrat i obmen tovarov nadležhashhego kachestva pri distancionnom sposobe trgovli: problemy` teorii i praktiki // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki. 2020. T. 16, № 2. S. 223–226.

Научная статья

УДК 347.9

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТВОДА ЭКСПЕРТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

**Харрисон Карен, Ph.D., профессор права и уголовного правосудия,
Университет Линкольна, Линкольн, Англия, Великобритания,
kharrisonlawln@yandex.ru**

Аннотация

Экспертиза в гражданском процессе, как и в любом судопроизводстве, занимает особое место, обеспечивая содействие правосудию в разрешении вопросов, в которых судья некомпетентен. Учитывая это, эксперту предъявляются и особые требования, а любые сомнения в его компетентности, независимости, беспристрастности, должным образом обоснованные, влекут необходимость заявления отвода (самоотвода). Круг оснований для этого Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) предусматривает достаточно широкий, причём на эксперта распространяются и те основания отвода, которые предусмотрены в отношении судьи. Нормы об отводе эксперта, содержащиеся в ГПК РФ и рассматриваемые в настоящей статье, являются слабым местом законодательства, так как некоторые пробелы и противоречия не в полной мере позволяют заинтересованным лицам своевременно реализовывать право на заявление отвода эксперта. Некоторые примеры судебной практики, рассмотренные в статье, наглядно свидетельствуют об актуальности вопросов регулирования отвода эксперта и наличии существенных проблем. С учётом анализа законодательства и практики в статье обосновывается необходимость пересмотра законодательства в части регулирования отвода эксперта и установления требований к порядку назначения судебной экспертизы.

Ключевые слова: гражданский процесс, отвод эксперта, самоотвод эксперта, судебная экспертиза, судебный эксперт

Статья поступила в редакцию 23.05.2025, одобрена после рецензирования 18.07.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

THE PROBLEM OF REGULATING THE GROUNDS FOR CHALLENGING AN EXPERT IN CIVIL PROCEEDINGS

**Karen Harrison, Ph.D., Professor of Law and Criminal Justice, University of
Lincoln, Lincoln, England, United Kingdom**

Abstract

Expertise in civil proceedings, as in any legal proceeding, occupies a special place, providing assistance to justice in resolving issues in which the judge is incompetent. Taking this into account, special requirements are imposed on the expert, and any doubts about his competence, independence, and impartiality, properly justified, entail the need to recuse (self-recuse). The range of grounds for this is quite wide in the Civil Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF), and the expert is also subject to the grounds for challenge provided for in relation to the judge. The norms on the recusal of an expert contained in the Civil Procedure Code of the Russian Federation and considered in this article are a weak point of the legislation, since some gaps and contradictions do not fully allow interested parties to timely exercise the right to request the recusal of an expert. Some examples of judicial practice discussed in the article clearly demonstrate the relevance of the issues of regulating the challenge of an expert and the existence of significant problems. Taking into account the analysis of legislation and practice, the article substantiates the need to review legislation regarding the regulation of the challenge of an expert and the establishment of requirements for the appointment of a forensic examination.

Keywords: civil procedure, expert's recusal, expert's self-recusal, judicial examination, judicial expert

Введение

Если рассматривать отвод (самоотвод) участника судебного процесса в целом, не акцентируя внимание именно на гражданском судопроизводстве, то его можно определить как отстранение субъекта от участия в деле на основаниях, предусмотренных процессуальным законодательством [6, с. 110]. Это законная мера, исключающая участие в процессе субъектов, по тем или иным объективным причинам не отвечающих установленным требованиям, то есть когда участию есть конкретные препятствия.

Отвод, как и самоотвод эксперта, есть инструмент, позволяющий правомерно исключить участие в процессе конкретного эксперта, если его участие повлечёт (может повлечь) нарушение принципов производства судебной экспертизы и принципов соответствующего гражданского судопроизводства.

Тем не менее, в целом положительно оценивая институт отвода эксперта в гражданском процессе, можно сказать о его несовершенстве, а значит и о необходимости детального исследования и преобразования.

Основная часть

В Гражданском процессуальном кодексе РФ [1] (далее - ГПК РФ) вопросам регулирования отводов и самоотводов посвящены ст. 16, 18, 19, поэтому их следует рассмотреть в первую очередь.

Ст. 16 ГПК РФ, изначально регламентирующая вопросы отвода судьи, исходя из ч. 1 ст. 18 ГПК РФ, распространяет свое действие и на экспертов, соответственно, исключая возможность участия эксперта в деле, если он:

- ранее в рамках данного дела выступал в качестве иного участника процесса;
- был судебным примирителем в рамках данного дела;
- состоит в родстве или свойстве с кем-либо из лиц, которые в деле участвуют, либо с их представителями;
- имеет личную, прямую или косвенную заинтересованность в исходе дела либо вызывает иные сомнения в объективности и беспристрастности.

Основания для отвода являются максимально очевидными, за исключением вопроса, касающегося заинтересованности. Проблема в том, что законодательство конкретных признаков заинтересованности не раскрывает, если говорить о случаях, когда отсутствует родство, свойство или иные взаимосвязи между лицами. Это является одной из проблем, осложняющих реализацию права на заявление отвода эксперта.

Весьма интересным является и положение ч. 2 ст. 16 ГПК РФ, которое не позволяет входить в состав суда, рассматривающего дело, лицам, состоящим в родстве между собой. Распространяя данные ограничения на экспертов, можно полагать, что в комиссию экспертов не могут войти лица, которые состоят именно в родстве. Вместе с тем, об отношениях свойства в этой норме не упоминается, что де-юре свидетельствует об отсутствии такого запрета. Однако нам представляется, что нахождение экспертов в отношениях свойства должно рассматриваться как обстоятельство, исключающее вхождение в одну экспертную комиссию.

Примечательно, что внепроцессуальное обращение, которое поступило судье, как и эксперту, в рамках конкретного гражданского дела не может само по себе рассматриваться как основание для отвода. Тем не менее, данный вопрос должен вызвать пристальное внимание у суда и стать предметом рассмотрения.

Расширяет круг оснований для отвода эксперта ст. 18 ГПК РФ, которая в ч. 1, в частности, не допускает участия эксперта в деле в случаях, когда он находился ранее либо находится в служебной или иной зависимости от кого-либо из лиц, участвующих в деле, или их представителей. Важность такого основания не вызывает сомнений, особенно в рамках рассмотрения гражданских дел, где для производства экспертиз могут быть привлечены не только государственные судебно-экспертные учреждения, но и частные организации, круг которых довольно широк.

Важно подчеркнуть и то, что ч. 2 ст. 18 ГПК РФ не предусматривает в качестве основания для отвода эксперта его участие в данном деле ранее.

Ст. 19 ГПК РФ позволяет заявить отвод эксперта любому лицу, участвующему в деле, так и самому эксперту (самоотвод). Однако практика такова, что самоотвод, как правило, не заявляется. Это довольно редкое явление, тем не менее, оно имеет место быть. Здесь особо важно подчеркнуть необходимость конкретной мотивировки как отвода, так и самоотвода, причём до начала рассмотрения дела по существу. В процессе же рассмотрения дела по существу, если основание для отвода или самоотвода стало известно заявителю отвода, он тоже может быть заявлен.

Надо сказать, что вопрос об отводах регламентируется не только нормами ГПК РФ, но и законодательством о государственной судебно-экспертной деятельности, которое предписывает эксперту, подлежащему отводу от участия в экспертизе, немедленно прекратить её производство, если имеются основания, которые установлены процессуальным законодательством [2]. В этом смысле незаявление эксперту отвода со стороны других участников дела не является поводом для начала и проведения экспертизы, если сам эксперт в курсе наличия соответствующих оснований, пусть и не заявленных ему в процессе.

Достаточно актуальным является вопрос о реализации права заявить отвод эксперту при назначении экспертизы, ведь ч. 1 ст. 80 ГПК РФ предусматривает, что определение о назначении экспертизы должно включать указание на фамилию, имя, отчество эксперта либо наименование экспертного учреждения. В дальнейшем это может повлечь основания для заявления отвода эксперту, причём уже после проведения экспертных исследований. На данную проблему обращает внимание, например, Т.Ю. Якимова [7, с. 43].

Отсюда следует и необходимость внесения определённых корректив в ГПК, которые бы позволили заинтересованным субъектам именно до начала экспертизы получать информацию о том, какой конкретно эксперт (группа экспертов) будет проводить экспертизу.

Надо сказать, что многие проблемы заявления отвода эксперта становятся очевидны непосредственно при изучении материалов судебных дел. Например,

имеет место быть практика заявления отводов экспертным организациям, хотя и не поддерживаемая судами. В отдельных же случаях заявление отвода эксперту конкретной организации суд может расценить как заявление отвода не эксперту, а экспертной организации, что было в рамках одного из дел, рассмотренных Московским городским судом. Гражданин М. заявил отвод экспертам, которые представляли конкретную организацию, однако суд первой инстанции расценил этот отвод как заявленный именно организации, отклонив его и сославшись на то, что законодательство не предусматривает возможность заявления отвода экспертной организации. В рамках же обжалования заявление гражданина М. было удовлетворено, причем суд апелляционной инстанции подчеркнул, что об отводе экспертной организации вопрос не ставился [5].

В рамках другого дела, которое рассматривалось Пятым кассационным судом общей юрисдикции, суд первой инстанции, удовлетворяя ходатайство ответчика, назначил судебную товароведческую экспертизу, поручив её одной из экспертных организаций. Само определение истец не обжаловал, не заявлял и отвода эксперту, которому экспертиза была поручена. Однако при рассмотрении дела в суде первой инстанции представитель истца отвод эксперту заявил, ссылаясь на несогласие с результатами экспертизы. Но обстоятельств, которые бы убедительно свидетельствовали о наличии прямой или косвенной заинтересованности, либо о наличии иных обстоятельств, которые вызывают сомнения в объективности и беспристрастности эксперта, представлены не были, в результате суд отказал в удовлетворении отвода. Далее суд кассационной инстанции отвод тоже поддержал [3].

Здесь надо сказать, что в целом значительная доля отводов отклоняется по вполне объективным причинам: ходатайствующая об отводе сторона не представляет суду объективных сведений, которые бы ставили под сомнение соблюдение принципов производства судебной экспертизы конкретным экспертом. Однако такая проблема вполне объяснима: во многих случаях, например, о наличии родственных отношений или свойства, заинтересованные

лица могут и не знать, подтвердить же данные обстоятельства на практике оказывается не просто.

Надо сказать, что в отдельных случаях имеет место заявление отводов не эксперту, а именно экспертной организации. Однако суды такого рода отводы отклоняют, зачастую не указывая на недопустимость заявления отвода организации. Так, в одном из дел суд, отклоняя отвод, подчеркнул, что экспертной организацией не было допущено каких-либо нарушений, а экспертиза проведена в полном соответствии с действующим законодательством [4].

Тем не менее, вопрос о целесообразности законодательного допущения заявления отвода экспертным организациям поставить уместно. По объективным причинам нельзя исключить тех случаев, когда с рамках конкретной организации не может быть обеспечено независимое, беспристрастное проведение экспертизы именно в рамках конкретного дела. Например, если между гражданином и конкретной экспертной организацией ранее имел место судебный конфликт либо он имеет место на данный момент, вряд ли можно быть уверенным в том, что эксперты данной организации будут максимально объективны.

Говоря об отводе организации, нельзя не признать, что руководитель экспертной организации может состоять в родстве или свойстве с кем-либо из участников дела. И хотя экспертиза может быть поручена не руководителю, а любому иному эксперту данной организации, в объективности вряд ли можно быть уверенным, ведь эксперт находится в прямой служебной зависимости от лица, которое прямо или косвенно заинтересовано (может быть заинтересовано) в исходе дела.

То есть потенциальная возможность возникновения такого рода ситуаций свидетельствует о наличии явного законодательного пробела, который необходимо устранить. Хотя устранён он, как нам представляется, может быть разными путями: законодатель может предусмотреть возможность заявления

отвода именно экспертной организации либо одновременно всем экспертам конкретной организации.

Заключение

Таким образом, нормы законодательства, предусматривающие право заявить отвод эксперта, содержат некоторые недостатки, подлежащие устранению. Учитывая, что положения ст. 16 ГПК РФ распространяются и на эксперта, предлагается ч. 2 данной статьи изложить в следующей редакции:

«2. В состав суда, рассматривающего дело, не могут входить лица, состоящие в родстве *или свойстве* между собой.»

В данном случае предложено дополнить норму указанием на отношения свойства, что применительно к процедуре производства экспертизы должно способствовать большей беспристрастности экспертов и их самостоятельности. Соответственно, наличие указанных отношений даст основания для заявления отвода либо самоотвода.

Ч. 1 ст. 80 также целесообразно пересмотреть, указав на обязательность упоминания фамилии, имени, отчества эксперта в определении о назначении экспертизы.

Также перед законодателем следует поставить вопрос о возможности закрепления права заявить отвод не только эксперту, но и экспертной организации, прежде всего, по причине наличия заинтересованности её руководителя в исходе дела, если для того имеются убедительные основания.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2024 по делу № 8Г-6093/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305476979>
4. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2024 по делу № 88-9361/2024 (УИД 26RS0001-01-2023-005620-11) // Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9154753&case_uid=d58e3a25-0042-4b63-b043-a1c17f4c998a&new=2800001&delo_id=2800001
5. Определение Московского городского суда от 08.10.2024 по делу № 33-42324/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310244053>
6. Кухарьков Ю.В., Орехова Е.П. Процессуальные обстоятельства, исключающие возможность участия эксперта (отвод, самоотвод эксперта) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2(52). С. 109-115.
7. Якимова Т.Ю. Проблемы обоснования наличия некоторых оснований для отвода эксперта в гражданском процессе // Научный потенциал. 2024. № 1-1(44). С. 43-45.

References

1. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
2. Federal'nyj zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ (red. ot 22.07.2024) «O gosudarstvennoj sudebno-e'kspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 23. St. 2291.
3. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 13.03.2024 po delu № 8G-6093/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhny'x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305476979>

4. Opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 09.09.2024 po delu № 88-9361/2024 (UID 26RS0001-01-2023-005620-11) // Oficial'nyj sajt Pyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9154753&case_uid=d58e3a25-0042-4b63-b043-a1c17f4c998a&new=2800001&delo_id=2800001
5. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.10.2024 po delu № 33-42324/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhnyx sudovi sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310244053>
6. Kuxar'kov Yu.V., Orexova E.P. Processual'ny'e obstoyatel'stva, isklyuchayushhie vozmozhnost' uchastiya e'ksperta (otvod, samootvod e'ksperta) // Voprosy` kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj e'kspertizy`. 2022. № 2(52). S. 109-115.
7. Yakimova T.Yu. Problemy` obosnovaniya nalichiya nekotoryx osnovanij dlya otvoda e'ksperta v grazhdanskom processe // Nauchnyj potencial. 2024. № 1-1(44). S. 43-45.

Научная статья

УДК 342.7, 349.444

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В СТ. 17 ЖИЛИЩНОГО КОДЕКСА РФ

**Фарралл Стефен, Ph.D., профессор криминологии факультета социологии
и социальной политики, Ноттингемский университет, Ноттингем,
Великобритания, sfarrall.nott.uk@yandex.ru**

Аннотация

Жилищный кодекс РФ предписывает использовать жилое помещение в соответствии с его назначением, тем самым ограничивая возможности использования жилья, по крайней мере де-юре. В данной работе указанная проблема анализируется как в теоретическом, так в законодательном и правоприменительном аспектах. В первоочередном порядке рассматриваются положения Жилищного кодекса РФ, определяющие объекты жилищных прав, виды жилых помещений и возможности использования в рамках их назначения. Вопрос ограничения на отдельные виды использования жилья является ключевым в данной статье и анализируется в том числе с учётом практики Конституционного Суда РФ. Затрагиваются такие аспекты, как использование жилого помещения в коммерческих целях, прежде всего путём возмездной передачи в краткосрочный найм (аренду). Изучается и вопрос возможностей использования служебных жилых помещений для осуществления предпринимательской и профессиональной деятельности, что законодательством не урегулировано. Особый характер носит проблема использования жилого помещения для проведения религиозных обрядов и церемоний, что тоже во многом является спорным в случаях задействования религиозной организации. Рассмотренные проблемы обобщаются и для их решения предлагаются меры законодательного характера.

Ключевые слова: жилищные права, жилое помещение, использование жилого помещения, назначение жилого помещения, проживание, служебное жильё

Статья поступила в редакцию 10.06.2025, одобрена после рецензирования 12.08.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ON THE PROBLEM OF SETTING LIMITS ON THE USE OF RESIDENTIAL PREMISES IN ARTICLE 17 OF THE HOUSING CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Stephen Farrall, Ph.D., Professor of Criminology (Faculty of Sociology and
Social Policy), University of Nottingham, Nottingham, United Kingdom**

Abstract

The Housing Code of the Russian Federation prescribes the use of residential premises in accordance with its purpose, thereby limiting the possibilities of using housing, at least de jure. In this paper, this problem is analyzed both in theoretical, legislative and law enforcement aspects. The provisions of the Housing Code of the Russian Federation defining objects of housing rights, types of residential premises and possibilities of use within their purpose are considered as a matter of priority. The issue of restrictions on certain types of housing use is a key one in this article and is analyzed, among other things, taking into account the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. Such aspects as the use of residential premises for commercial purposes are affected, primarily through a paid transfer to a short-term lease. The issue of the possibility of using office residential premises for entrepreneurial and professional activities is also being studied, which is not regulated by law. The problem of using residential premises for religious rituals and ceremonies is of a special nature, which is also controversial in cases where a religious organization is involved. The considered problems are summarized and legislative measures are proposed to solve them.

Keywords: housing rights, residential premises, use of residential premises, purpose of residential premises, accommodation, office housing

Введение

Право на использование жилого помещения, безусловно, относится к числу наиболее значимых. Его можно признать и составляющей права на жилье, гарантированного Конституцией РФ каждому гражданину. Однако возможности использования жилья имеют определённые ограничения, обусловленные, прежде всего, ст. 17 Жилищного кодекса РФ [2] (далее - ЖК РФ). Учитывая неоднозначность установленных законом ограничений на использование жилья, можно говорить об актуальности данной тематики.

Основная часть

Прежде всего, следует дать общую характеристику объекта использования, о котором идёт речь. Ст. 15 ЖК РФ к категории объектов жилищных прав причисляет именно жилые помещения, относимые к недвижимому имуществу, пригодные для проживания, являющиеся изолированными. Ст. 16 ЖК РФ к ним относит, в частности, жилой дом, квартиру, комнату.

В этой связи основное внимание стоит обратить на юридическую и фактическую сторону, что выражается, во-первых, в прямом назначении жилья: оно предназначено именно для проживания; во-вторых, в принадлежности к категории жилья лишь определённых объектов недвижимости. И примечательно, что, например, апартаменты, исходя из представленных выше норм, в категорию жилья не включаются. Это означает, что ограничения, которые установлены ст. 17 ЖК РФ, в таком случае применены быть не могут.

Здесь следует подчеркнуть, что использование жилого помещения является важной составляющей права собственности, которое, согласно ст. 209 Гражданского кодекса РФ [1] включает также правомочия владения и распоряжения. В данном случае речь идёт только об одном правомочии, но оно имеет комплексный характер.

Ключевой нормой, регламентирующей вопросы использования жилого помещения, является ст. 17 ЖК РФ. В указанной статье подчёркивается предназначение жилого помещения именно для проживания. В этой связи

очевидно, что проживание является прямым удовлетворением жилищной потребности (потребности человека в жилье). Однако помимо использования рассматриваемого помещения для проживания, Закон допускает его использование и для некоторых иных целей, прежде всего для осуществления профессиональной деятельности или индивидуального предпринимательства. Обязательным условием при этом является отсутствие нарушения прав и законных интересов иных граждан, а также требований, которым должно отвечать жилое помещение. Иными словами, законодатель исключает возможность фактического изменения назначения жилого помещения: даже если оно используется для профессиональной или предпринимательской деятельности, не должно ставиться под сомнение его основное назначение, а именно проживание.

Принципиально важно соблюдение ключевых запретов, установленных ч. 3 ст. 17 ЖК РФ, не допускающих использование жилья для:

- промышленных целей;
- оказания гостиничных услуг;
- миссионерской деятельности.

Установление указанных ограничений продиктовано исключительно с заботой о правах и интересах проживающих в соответствующих помещениях лиц, соседей и некоторых иных субъектов.

Конкретизируются возможности использования жилых помещений. В отдельных подзаконных нормативных документах, в том числе Приказе Минстроя России от 14.05.2021 № 292/пр [6]. Данный документ не представляется необходимым детализировать содержательно, однако стоит сказать, что в нём затрагиваются нюансы использования жилых помещений не только на основании имеющегося права собственности, но и на основании различных договоров, в том числе социального найма, найма специализированного жилого помещения. Примечательно, что в данном документе не упоминается о каких-либо вопросах, касающихся использования

жилого помещения для осуществления предпринимательской или иной профессиональной деятельности. Конечно же, этот аспект отражает наличие законодательного пробела, который, очевидно, необходимо устранять.

Надо сказать, что вопросы конституционности ограничений на использование жилых помещений не раз рассматривались на высшем уровне, в частности, Конституционным Судом РФ, и одно из дел стоит выделить особо. В его рамках гражданин Б. оспаривал конституционность ч. 3 ст. 17 ЖК РФ, которая не допускала размещение в жилом помещении гостиниц. Будучи индивидуальным предпринимательством, данный гражданин вел судебные споры и в результате ряда разбирательств был удовлетворён иск соседей по отношению к нему, суть которого состояла в запрете использовать принадлежащие ему квартиры для предоставления гостиничных услуг. Обосновывая свои позиции, суды полагали, что граждане Б. и В. нарушали ч. 3 ст. 17 ЖК РФ, которая запрещала использовать квартиру для предоставления гостиничных услуг. В частности, суд первой инстанции обратил внимание на то, что размещённые на интернет-ресурсах объявления содержали информацию о сдаче квартиры посуточно с предоставлением фактически гостиничных услуг. То есть сдаваемые квартиры признаками гостиницы не обладали, хотя де-факто ответчики оказывали именно гостиничные услуги. Дело дошло до обжалования в Верховном Суде РФ, где в рассмотрении было отказано. В результате обращение было направлено в Конституционный Суд РФ. Заявитель полагал, что ч. 3 ст. 17 ЖК РФ противоречит ряду конституционных норм ввиду своей неопределённости и позволяет суду приравнять посуточный найм квартиры к оказанию гостиничных услуг. Именно в этом заявитель усматривал нарушение его прав. Суд с позицией заявителя не согласился, подчеркнув необходимость защиты конституционного права на жилище именно тех граждан (соседей), для которых квартира является местом постоянного проживания [8].

Подтверждая обоснованность позиции Конституционного Суда, уместно подчеркнуть, что гостиница, согласно законодательству, должна отвечать

требованиям классификации средств размещения [3]. Именно исходя из этих положений давалась фактическая оценка деятельности. Думается, что в данном случае имело место именно применение закона по аналогии.

Примечательно, что ранее на протяжении многих лет практика предоставления квартир для краткосрочного найма была чрезвычайно развита и её правомерность под сомнение не ставилась. В настоящее же время законодатель, как и суды, придерживаются иного подхода. Более того, в литературе обосновывается логичность и оправданность запрета использования квартир в многоквартирных домах для кратковременного жилого найма. Сторонники подобного запрета исходят из того, что любое использование жилого помещения не должно наносить вред самому жилью и соседям, а так называемые мини-гостиницы, дискуссия о которых ведётся на протяжении последних лет, зачастую рассматриваются в качестве негативного фактора, осложняющего соседям возможность реализации их прав и законных интересов в связи с проживанием [11, с. 194].

Нельзя проигнорировать в рамках данного исследования и положения ст. 93 ЖК РФ, регламентирующие в целом вопросы использования служебных жилых помещений. Согласно указанной статье, такое помещение предназначено именно для проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений, в частности, с органами государственной власти или местного самоуправления, государственным или муниципальным предприятием или учреждением, и пр. Очевидно, что служебное жилое помещение подлежит использованию и членами семьи гражданина, который такое жилое помещение получил. В этой связи возникает вопрос о том, допустимо ли использовать такое помещение для осуществления предпринимательской деятельности или профессиональной деятельности кем-либо из законно проживающих членов семьи гражданина, получившего такое помещение? Закон точного ответа на этот вопрос не даёт, однако можно полагать, что такое использование вполне уместно, по крайней мере, если исходить из принципа аналогии закона.

В литературе на данную проблему в некоторых исследованиях обращается внимание и отмечается ее дискуссионность, ведь прямое назначение служебного жилья закреплено в ст. 93 ЖК РФ, а в ней не упоминается об иных вариантах его использования. Н.Ю. Папушина высказывает мнение о том, что любое иное использование служебного жилья, в том числе для предпринимательской деятельности, недопустимо [10, с. 82]. С этой позицией сложно согласиться, хотя она и видится обоснованной. Тут следует признать, что, например, гражданина, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, законно проживающего с супругом, получившим служебное жилье, вряд ли кто-то вправе ограничить в осуществлении предпринимательской или профессиональной деятельности именно в этом помещении, если такая деятельность не отражается на реализации чьих-либо прав и интересов.

Другой аспект, представляющий интерес в контексте возможности использования жилья, касается объектов, находящихся в ипотеке. Он актуализируется в связи с тем, что определенные вопросы использования таких объектов должны решаться, как правило, с ведома банка. Однако ст. 29 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [5] гласит, что условия договора об ипотеке, ограничивающие право залогодателя использовать своё имущество в соответствии с его назначением, ничтожны. Это даёт возможность сделать вывод, в частности, что какой-либо запрет на вселение граждан, проживающих в объекте ипотеки, в том числе детей, не может быть признан законным [9, с. 223].

Весьма интересным и в то же время спорным является вопрос использования жилья для богослужений, религиозных обрядов и церемоний. Ст. 16 Федерального закона от «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4] допускает в таких целях использовать жилье, однако конституционность этого законодательного положения вызывает сомнения у некоторых представителей юридического сообщества. Соответствующий вопрос ставился перед Конституционным Судом РФ в 2019 г., в результате чего Суд

счёл не противоречащей Основному Закону страны спорную норму, позволяющую предоставлять предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства участок и расположенное на нем жилое помещение религиозной организации для совершения богослужений и прочих религиозных мероприятий, а также использовать адрес этого жилого помещения в качестве адреса религиозной организации, но при условии недопущения фактической утраты помещением признака жилого, недопущения приобретения жилым помещением характеристик культового помещения либо административного помещения религиозной организации [7].

Заключение

В результате анализа ст. 17 ЖК РФ был выявлен ряд весьма существенных ограничений в части использования жилого помещения проживающими в нём на законных основаниях лицами. С учётом некоторых иных норм ЖК РФ, правомочия и ограничения, предусмотренные ст. 17, представляются не в полной мере конкретными, поэтому предлагается уточнить их.

В рамках данной работы однозначно необходимой мерой видится конкретизация вопроса использования для профессиональной и индивидуальной предпринимательской деятельности служебного жилого помещения. Поэтому следует дополнить ст. 17 ЖК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. Указанное в части 2 настоящей статьи право использования жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности гарантируется в том числе гражданам, проживающим на законных основаниях в жилых помещениях специализированного жилищного фонда.»

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.
3. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минстроя России от 14.05.2021 № 292/пр «Об утверждении правил пользования жилыми помещениями» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Вахитов А.К., Недвига А.В. Права граждан, проживающих в объекте ипотеки // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 4-2. С. 219-226.
10. Папушина Н.Ю. Правоотношение найма служебного жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 283 с.
11. Шамсутдинова З.Ф. Назначение жилого помещения и пределы его использования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. Т. 11-1 (62). С. 192-195.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 1 (ch. I). St. 14.
3. Federal'nyj zakon ot 24.11.1996 № 132-FZ (red. ot 23.07.2025) «Ob osnovax turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nogo zakona ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 31.07.2025) «O svobode sovesti i o religioznyx ob`edineniyax» // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'nyj zakon ot 16.07.1998 № 102-FZ (red. ot 31.07.2025) «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Prikaz Ministroya Rossii ot 14.05.2021 № 292/pr «Ob utverzhdenii pravil pol'zovaniya zhily`mi pomeshheniyami» // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.11.2019 № 35-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzacza vtorogo stat'i 42 Zemel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i chasti 1 stat'i 8.8 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax v svyazi s zhaloboj grazhdanki O.V. Glamozdinovoj» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.03.2023 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 3 stat'i 17 Zhilishhnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina P.E. Baxireva» // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Vaxitov A.K., Nedviga A.V. Prava grazhdan, prozhivayushhix v ob`ekte ipoteki // Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva. 2024. № 4-2. S. 219-226.
10. Papushina N.Yu. Pravootnoshenie najma sluzhebnogo zhilogo pomeshheniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2020. 283 s.
11. Shamsutdinova Z.F. Naznachenie zhilogo pomeshheniya i predely ego ispol'zovaniya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2021. T. 11-1 (62). S. 192-195.

Научная статья

УДК 347.628.42

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, СОВМЕСТНО ПРОЖИВАЮЩИХ В ОТСУТСТВИИ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО БРАКА

**Ларраури Елена, профессор уголовного права и криминологии,
Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания, elenlarrauri.es@mail.ru**

Аннотация

Вопросы правового регулирования семейного статуса лиц, совместно проживающих, но не зарегистрировавших свой брачный союз, представляются чрезвычайно актуальными, чем и обосновывается обращение автора к данной теме. В первоочередном порядке в ней рассматриваются положения Семейного кодекса РФ, определяющие требования к лицам, регистрирующим свой брак. Рассматриваются и законодательные нормы о понятии «семья», которое является более широким в сравнении с термином «брак». Фактические отношения, возникающие в связи с совместным проживанием мужчины и женщины, как правило, отвечают всем признакам брака (брачно-семейных отношений), за исключением признака государственной регистрации в соответствующих органах, исходя из чего в статье аргументируется допустимость признания фактических отношений брачными, по крайней мере, судом. В обоснование своей позиции автор приводит случаи, когда фактические брачные (семейные) отношения рассматривались в качестве признака аффилированности, из чего делается вывод, что в фактическом совместном проживании государство усматривает признаки брака при решении вопросов, влекущих негативные последствия для соответствующих граждан, и исключает возможность признания браком таких отношений, когда вопрос ставится о защите прав и интересов фактических супругов. В статье рассматривается также советский опыт распространения на фактические брачные отношения норм семейного законодательства, с учётом чего формулируется предложение о дополнении

Семейного кодекса РФ нормой, позволяющей де-юре признавать фактические брачные отношения.

Ключевые слова: брак, государственная регистрация брака, гражданский брак, незарегистрированный брак, семья, фактические брачные отношения, член семьи

Статья поступила в редакцию 29.06.2025, одобрена после рецензирования 31.08.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ISSUES OF REGULATING THE FAMILY AND LEGAL STATUS OF PERSONS LIVING TOGETHER IN THE ABSENCE OF A REGISTERED MARRIAGE

Elena Larrauri, Professor of Criminal Law and Criminology, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Abstract

The issues of legal regulation of the family status of persons who live together but have not registered their marriage union seem to be extremely relevant, which justifies the author's appeal to this topic. As a matter of priority, it examines the provisions of the Family Code of the Russian Federation, which define the requirements for persons registering their marriage. The legislative norms on the concept of "family", which is broader in comparison with the term "marriage", are also considered. The actual relations that arise in connection with the cohabitation of a man and a woman, as a rule, meet all the criteria of marriage (marital and family relations), with the exception of the sign of state registration with the relevant authorities, on the basis of which the article argues for the admissibility of recognizing the actual relationship as marital, at least by the court. In substantiation of his position, the author cites cases when actual marital (family) relations were considered as a sign of affiliation, from which it is concluded that the state sees signs of marriage in actual cohabitation when resolving

issues that have negative consequences for the citizens concerned, and excludes the possibility of recognizing such relations as marriage when the issue is raised about the protection of human rights. and the interests of the actual spouses. The article also examines the Soviet experience of extending the norms of family law to de facto marital relations, with this in mind, a proposal is formulated to supplement the Family Code of the Russian Federation with a norm that allows de jure recognition of de facto marital relations.

Keywords: marriage, state registration of marriage, civil marriage, unregistered marriage, family, actual marital relations, family member

Введение

Практика совместного проживания (сожительства) мужчины и женщины без государственной регистрации брака как в Российской Федерации, так и в других странах мира, являющихся светскими, широко распространена. Подобного рода неформальные союзы, де-факто идентичные семейным (брачным), де-юре не признаются. По крайней мере, таковы реалии российского семейного права. В этих обстоятельствах довольно проблемными являются многие нюансы имущественных и личных неимущественных отношений, что вызывает дискуссии в науке. Причём проблемные вопросы касаются не только теории, но и правоприменительной практики, а также практики правового регулирования. Поэтому вопросы законодательного определения семейно-правового статуса лиц, совместно проживающих в отсутствие зарегистрированного в установленном порядке брака, представляются чрезвычайно важными, заслуживающими внимания.

Основная часть

Российский законодатель в нормах Конституции РФ [1] рассматривает брак исключительно в качестве союза мужчины и женщины. Это ключевой признак и брака, и брачно-семейных отношений, в чем проявляется их

традиционность. Прочие признаки брака, имеющие нормативное значение, закреплены в Семейном кодексе РФ [2] (далее – СК РФ):

- наличие факта государственной регистрации (ст. 10 СК РФ);
- добровольность (ст. 12 СК РФ);
- достижение возраста 18 лет или иного возраста, допускаемого законом в исключительных случаях (ст. 13 СК РФ);
- отсутствие близкого родства;
- отсутствие отношений усыновителя и усыновленного;
- дееспособность обоих супругов (ст. 14 СК РФ).

Перечисленные признаки, без сомнения, имеют большое формальное значение. В случае, когда отсутствует любой из них, государственная регистрация брака произведена быть не может.

В то же время, указанные признаки, за исключением государственной регистрации, присущи и, как правило, отношениям, которые возникают в рамках фактических гражданских отношений, которые принято именовать сожительством либо гражданским браком. [9, с. 162]. Хотя стоит сказать, что понятие «гражданский брак» не вполне точно отражает специфику фактических брачных отношений, особенно при сравнении с религиозным браком, заключённым по канонам какой-либо конфессии, поскольку в таком случае и брак, прошедший государственную регистрацию, может быть именован гражданским, то есть, по сути, отличным от религиозного.

Важно подчеркнуть, что в России фактические отношения, складывающиеся в связи с совместным проживанием мужчины и женщины, де-юре браком не признаются, даже если де-факто отвечают всем прочим признакам брака. Более того, в условиях российского законодательства не допускается и их приравнивание к брачным отношениями (юридическое признание идентичности), так как п. 2 ст. 1 СК РФ именуется браком соответствующий союз лишь при условии его заключения в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС).

Таким образом, и семья, которая образуется в результате заключения брака в органе ЗАГС, тоже становится формально определённой единицей. Но примечательно, что понятие семьи раскрывается не в нормах СК РФ, а в ст. 1 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [3], согласно которой, она представляет собой лиц, связанных друг с другом:

- родством и (или) свойством;
- фактом совместного проживания;
- ведением совместного хозяйства.

Можно полагать, что в условиях отсутствия хотя бы одного из перечисленных признаков наличие семья может быть поставлено под вопрос. Хотя такой вывод весьма спорный, особенно если учесть наличие в отдельных случаях юридически закреплённой связи между членами семьи, прежде всего, брачной связи.

В указанном законе, однако, не говорится о том, уместно ли квалифицировать в качестве семьи, например, союз мужчины и женщины, де-юре не зарегистрированный как брак, в случае их совместного проживания, совместного ведения хозяйства. При этом не возникает сомнений о том, что, например, с наличием ребёнка такой союз семьёй вполне может быть признан, поскольку родственная связь между ребёнком и родителями сомнений не вызывает, как правило. Хотя рассчитывать на полноценную поддержку со стороны государства такая семья вряд ли может. Отсюда следует вывод, что признание семьи в условиях незарегистрированного брачного союза потенциально возможно, в то время как наличие фактических брачных (брачно-семейных) отношений без надлежащей регистрации не дает оснований для признания брака.

Выражаемые в юридической литературе взгляды на семью нельзя назвать одинаковыми. Причём во многих определениях внимание акцентирует на иных признаках, которые в нормативных актах не отражены. Например, Р.Е. Телегин, характеризуя семью, подчёркивает особую роль именно доверительных связей,

причём не только родственного, но и бытового типа. Факт совместного проживания он характеризует в качестве морально-нравственного аспекта, а наличие взаимных прав и обязанностей рассматривается как правовой аспект [11, с. 10-11]. Из этого можно сделать вывод о том, что правовой аспект в случае отсутствия государственной регистрации брака в целом отсутствует. Соответственно, для брачного союза, де-юре не зарегистрированного, свойственна лишь часть признаков брака.

Помимо того, в работе Р.Е. Телегина выделяются такие признаки семейных правоотношений, как устойчивость, длительность, нравственно- правовая связь, что предполагает наличие не только имущественных, но и личных неимущественных отношений [11, с 11]. Ориентируясь на такой взгляд, приходим к выводу о чрезвычайной важности именно формальной регистрации брака в органах ЗАГС. И вопрос здесь не столько в закреплении самого статуса семьи, сколько в формализации конкретных взаимных обязательств (обязанностей), носящих, в том числе, и имущественный характер.

Изложенное, тем не менее, ни в коем случае не свидетельствует о нивелировании роли брачных (семейно-брачных) отношений, существующих в условиях незарегистрированного в органах ЗАГС союза. Более того, и указанный выше автор предлагает выделять фактические семейные отношения как особый вид семейных правоотношений [11, с 10]. И нельзя не признать обоснованной такую идею, которая в конечном итоге нацелена на юридическое признание фактических брачных союзов.

Здесь, однако, следует подчеркнуть, что само понятие фактических семейных отношений гораздо шире понятия брачных или брачно-семейных отношений, и признание фактических семейных отношений, как мы полагаем, должно предполагать признание фактических брачных отношений. В случае реализации такого подхода будут обеспечены более прочные основы защиты прав граждан, которые по тем или иным причинам проживают в условиях незарегистрированных брачных союзов. Это, думается, немаловажную роль

играет и с точки зрения защиты право детей, рожденных в условиях не зарегистрированного брака.

В правовой науке идеи признания фактических брачных союзов высказываются нередко, причём в прежние годы, когда Россией признавалась юрисдикция ЕСПЧ, в обоснование указанных идей приводились и его позиции. Об этом пишет, например, Э.Н. Яфизова, аргументируя важность международно-правовой защиты соответствующих субъектов семейных отношений [12, с. 30].

В настоящее время нет формальных оснований ссылаться на позиции указанного органа, особенно с учётом того, что в России брак рассматривается исключительно в традиционном понимании, в отличие от стран Европы. Тем не менее, сам факт юридического признания незарегистрированных отношений, подпадающих под признаки брака, заслуживает внимания. И сама практика такого признания может быть перенята Россией в той мере, в какой не противоречит традиционному взгляду на брак как на союз женщины и мужчины.

В свете сказанного определённую неполноценность фактических брачных отношений нельзя не признать. Культивируемым Российским государством духовно-нравственным ценностям такие отношения не в полной мере отвечают, хотя в современном обществе взгляд на неформальные брачные союзы уже совершенно иной, нежели был в советское время, когда сожительство подвергалось однозначному общественному порицанию [8, с. 102]. Но даже в советское время имел место период, когда фактические брачные отношения рассматривались как основание для установления режима общего имущества супругов, при условии их признания таковыми друг другом [4].

Несмотря на указанную неполноценность анализируемых отношений, нельзя отрицать наличие некоторой общности ценностей как имущественного, так и личного неимущественного характера в условиях сожительства. Но семейное законодательство каких-либо инструментов для защиты соответствующих прав и интересов не создаёт, а потому в подобных случаях применимы нормы гражданского законодательства [9, с. 162-163].

Таким образом, складывается ситуация, когда к де-факто брачно-семейным отношениям применяются исключительно нормы гражданского законодательства, что юридически правомерно, но не вполне логично.

Не вполне логичными представляются и некоторые позиции судебных органов, в том числе выраженные относительно давно, но продолжающие оставаться в силе. Например, в одном из определений Конституционный Суд РФ ещё в 1995 г. подчеркнул отсутствие правовых последствий совместного проживания мужчины с женщиной [5].

Но практика, формирующаяся в настоящее время, несколько иная. Наличие фактических брачно-семейных отношений даже в условиях формально отсутствующей юридической связи в рамках решения многих вопросов правового характера не отрицается. Например, при рассмотрении вопроса об аффилированности тех или иных лиц учитывается и наличие семейных отношений фактического характера [7].

Примечателен и случай, когда в ходе рассмотрения дела о банкротстве прекращение фактических семейных отношений после регистрации расторжения брака стало ключевым аргументом для принятия решения о признании определенных обязательств общими [6].

Интересную позицию высказывает О.И. Сочнева, не считающая необходимым регулирование семейным законодательством фактических брачных союзов. При этом она указывает на важность упоминания в нормах СК РФ о регулировании таких союзов нормами Гражданского кодекса РФ [10, с. 401, 405]. Такая позиция не является безосновательной. Однако говорить о целесообразности оставления фактических брачных союзов вне правового поля, по нашему мнению, не логично.

Заключение

Проживающие совместно мужчина и женщина, не зарегистрировавшие свой союз, законодателем не рассматриваются как состоящие в браке, что исключает возможность распространения на их имущество режима,

применимого к имуществу супругов. Они не могут рассчитывать и на применение в защиту своих интересов норм СК РФ. В то же время признание фактических брачно-семейных отношений, исходя из практики, может иметь место, например, при установлении аффилированности. В этом видится некоторая избирательность подхода и законодателя, и правоприменителей: фактические брачно-семейные отношения признаются, если ставится вопрос о негативных последствиях, и отрицаются в иных ситуациях, когда на повестке стоит вопрос о защите семейных прав и интересов фактических супругов. В таком подходе усматривается и некоторая несправедливость.

Поэтому логичным представляется дополнение ст. 1 СК РФ пунктом 2.1 в следующей формулировке: «2.1. Фактическое наличие брачных (брачно-семейных) отношений между мужчиной и женщиной, которые совместно проживают и ведут общее хозяйство, не зарегистрировав брак в органах записи актов гражданского состояния, может быть установлено судом, если эти лица взаимно признают друг друга супругами.»

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.
4. Кодекс законов о браке, семье и опеке (Введен в действие Постановлением ВЦИК от 19.11.1926) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612 (утратил силу).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Иониной Веры Петровны» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо ФНС России от 30.12.2021 № КЧ-4-18/18485@ «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Горина О.А. Защита семьи и института брака в контексте государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей // Правда и закон. 2024. № 1(27). С. 99–109.
9. Рузакова О.А., Демкина А.В. Перспективы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 162–168.
10. Сочнева О.И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 394-405.
11. Телегин Р.Е. Правовой статус участников семейных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2022. 25 с.
12. Яфизова Э.Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 214 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 23.11.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 1. St. 16.

3. Federal'nyj zakon ot 24.10.1997 № 134-FZ (red. ot 29.12.2020) «O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 43. St. 4904.
4. Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke (Vveden v dejstvie Postanovleniem VCIK ot 19.11.1926) // SU RSFSR. 1926. № 82. St. 612 (utratil silu).
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.05.1995 № 26-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanki Ioninoj Very` Petrovny`» // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Obzor sudebnoj praktiki po delam o bankrotstve grazhdan (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 18.06.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Pis'mo FNS Rossii ot 30.12.2021 № KCh-4-18/18485@ «O napravlenii obzora sudebnoj praktiki po sporam, svyazanny`m s osparivaniem sdelok» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Gorina O.A. Zashhita sem'i i instituta braka v kontekste gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu duxovno-nravstvenny`x cennostej // Pravda i zakon. 2024. № 1(27). S. 99–109.
9. Ruzakova O.A., Demkina A.V. Perspektivy` pravovogo regulirovaniya v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii nezaregistrirovannogo v ustanovlennom poryadke brachnogo otnosheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2. S. 162–168.
10. Sochneva O.I. Fakticheskij brak: yuridicheskoe zabvenie ili pravo vy`bora // Demidovskij yuridicheskij zhurnal. 2023. T. 13, № 3. S. 394-405.
11. Telegin R.E. Pravovoj status uchastnikov semejny`x pravootnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kursk, 2022. 25 s.
12. Yafizova E`.N. Chastnopravovaya zashhita semejny`x prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ul'yanovsk, 2020. 214 s.

Научная статья

УДК 347.426.42

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Иесуэ Лаура, Ph.D., постдокторант Института общественной безопасности, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США, iesuelauracrj@outlook.com

Аннотация

В статье сосредоточено внимание на исследовании темы критериев оценки морального вреда в рамках российского законодательства и правоприменительной практики. Цель – рассмотрение различных подходов к выбору критериев оценки морального вреда и обоснование авторской позиции по проблеме совершенствования норм законодательства о компенсации морального вреда. Данные вопросы анализируются на основе норм Гражданского кодекса РФ (частей первой и второй), материалов судебной практики, а также научной литературы. Закреплённые в нормах ГК РФ критерии носят в целом общий характер и не позволяют в должной мере учесть многих нюансов каждой конкретной ситуации. Причём моральный вред оценивается практически исключительно на усмотрение суда, что делает судебные решения крайне непредсказуемыми. Разъяснения, которые даются по поводу компенсации морального вреда Верховным Судом РФ, многих деталей, касающихся его оценки, не раскрывают. Поэтому делается вывод о несовершенстве действующего законодательства в части регулирования компенсации морального вреда. Подтверждая свою позицию, автор ссылается на некоторые исследования, в том числе характеризующие практику присуждения сумм компенсации в России и за рубежом. Причем отечественная практика характеризуется чрезмерными различиями между максимально и минимальными присуждаемыми суммами. Одновременно с этим изучаются предлагаемые в науке идеи по уточнению критериев оценки морального вреда в

целях его компенсации и формулируются собственные идеи по поводу решения изученных проблем.

Ключевые слова: критерии оценки морального вреда, моральный вред, нравственные страдания, степень вины, судебское усмотрение, сумма компенсации, физические страдания

Статья поступила в редакцию 15.08.2025, одобрена после рецензирования 10.10.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ON THE CRITERIA FOR ASSESSING MORAL HARM

Laura Iesue, Ph.D., Postdoctoral Fellow (Institute for Public Safety), Associate Professor of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

The article focuses on the study of the criteria for assessing moral harm in the framework of Russian legislation and law enforcement practice. The purpose is to consider various approaches to the selection of criteria for assessing moral harm and substantiate the author's position on the problem of improving the norms of legislation on compensation for moral harm. These issues are analyzed on the basis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation (parts one and two), materials of judicial practice, as well as scientific literature. The criteria fixed in the norms of the Civil Code of the Russian Federation are generally general and do not allow due consideration of many nuances of each specific situation. Moreover, moral damage is assessed almost exclusively at the discretion of the court, which makes court decisions extremely unpredictable. The explanations given by the Supreme Court of the Russian Federation regarding compensation for moral damage do not disclose many details regarding its assessment. Therefore, it is concluded that the current legislation is imperfect in terms

of regulating compensation for moral damage. Confirming his position, the author refers to some studies, including those characterizing the practice of awarding compensation amounts in Russia and abroad. Moreover, domestic practice is characterized by excessive differences between the maximum and minimum amounts awarded. At the same time, the ideas proposed in science to clarify the criteria for assessing moral damage in order to compensate for it are being studied and their own ideas about solving the problems studied are being formulated.

Keywords: criteria for assessing moral harm, moral harm, moral suffering, degree of guilt, judicial discretion, amount of compensation, physical suffering

Введение

Обеспечивая признание и правовую охрану нематериальных благ гражданина, законодатель в нормах Гражданского кодекса РФ – частях первой [1] и второй [2] (далее – ГК РФ) – предусматривает возможность компенсации морального вреда. При этом в соответствующих нормах ГК РФ упоминаются, в частности, принципы (критерии) соразмерности, справедливости компенсации, в целом не подвергаемые сомнению. Однако для эффективного функционирования института компенсации морального вреда и полноценной правовой защиты нематериальных ценностей общих критериев оказывается недостаточно. Прилагаемые усилия по доктринальной разработке критериев оценки морального вреда законодательного воплощения пока не получили, а потому вопрос о них по-прежнему остаётся открытым.

Целью статьи является рассмотрение различных подходов к выбору критериев оценки морального вреда и обоснование авторской позиции по проблеме совершенствования норм законодательства о компенсации морального вреда.

Основная часть

Законодатель, регламентируя вопросы компенсации морального вреда, далеко не последнее место отводит критериям оценки вреда и определению

соответствующей суммы выплаты. При обращении к ст. 151 ГК РФ это становится вполне очевидно, где моральный вред трактуется в качестве физических или нравственных страданий, обусловленных действиями, нарушающими личные неимущественные права либо нематериальные блага, и где предписывается компенсировать его именно в денежной форме. При этом денежная компенсация не может быть назначена в любом случае без ориентации на конкретные критерии. Такие критерии законодатель в указанной статье определил, обязывая суд учитывать степень вины субъекта, которым был вред причинён, прочие обстоятельства, заслуживающие внимания, степень физических страданий, степень нравственных страданий. Последние два критерия, исходя из указанной нормы, обуславливаются индивидуальными особенностями самого пострадавшего.

Очевидно, что представленных критериев недостаточно для того, чтобы разрешать вопросы, касающиеся назначения компенсаций за моральный вред. На этот нюанс обратил внимание Конституционный Суд РФ (КС РФ) в Постановлении от 29.05.2025 № 24-П [3] (Постановление КС РФ № 24-П), уточнив, в частности, что сумма компенсации должна также отвечать критериям справедливости и адекватности. Также было подчёркнуто, что за основу должны браться критерии, которые со спецификой личности причинителя вреда не связаны. Тем самым отчасти была поставлена под сомнение необходимость учёта индивидуальных особенностей гражданина, упомянутая в ст. 151 ГК РФ

Помимо того, в ГК РФ имеется комплекс специальных норм, размещённых в гл. 59, некоторые из которых представляют особый интерес. Во-первых, п. 3 ст. 1099 ГК РФ исключает возможность ставить в зависимость компенсацию морального вреда от размера имущественного вреда. Такой подход в целом понятен. Однако он вызывает некоторые вопросы. Думается, что законодатель все же не должен игнорировать размер материального ущерба в ходе оценки морального вреда и расчёта суммы компенсации морального вреда. Так или иначе, сумма возмещения имущественного вреда отражает значимость того или

иного деяния, по крайней мере отчасти, и было бы странным, например присуждать компенсацию морального вреда в сумме 5 000 руб. в случае, когда наряду с моральным ущербом был причинён и имущественный вред, оцениваемый в несколько миллионов рублей.

Ст. 1100 ГК РФ содержит, в частности, норму, исключающую учёт вины причинителя вреда при решении вопроса о компенсации морального вреда применительно к следующим случаям:

- причинение вреда имело место в связи с использованием источника повышенной опасности;
- вред причинён в связи с неправомерным применением мер уголовно-процессуального, уголовно-правового характера;
- вред причинён в связи с распространением порочащих сведений;
- в прочих случаях, которые определены законодательством.

Думается, что такой подход, исключающий учёт вины, вполне справедлив. Хотя игнорировать вину применительно к случаям причинения вреда в результате использования источника повышенной опасности представляется необоснованным.

Особую роль в оценке морального вреда и определении денежной суммы, подлежащей выплате, играет ст. 1101 ГК РФ. В ней особый акцент делается на необходимости учёта характера и степени физических и нравственных страданий. Такая оценка, по мнению законодателя, должна даваться с учётом фактических обстоятельств, в условиях которых моральный вред был причинён, а также с учётом индивидуальных особенностей потерпевшего.

Стоит сказать, что вопросы компенсации морального вреда рассматривались и в ряде других актов судов высшей инстанции. В частности, Пленум Верховного Суда РФ (ВС РФ) в своём Постановлении от 15.11.2022 № 33 дал некоторые указания. Прежде всего было предписано оценивать именно в совокупности конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотносить их с тяжестью причинённых страданий, с индивидуальными

особенностями личности, учитывать заслуживающие внимания обстоятельства, ориентироваться на требования разумности, справедливости, соразмерности. Более того, ВС РФ указал и на особую роль аргументации размера компенсации [4].

Помимо того, внимание было акцентировано на необходимости учёта причинной связи между действием (бездействием) причинителя вреда и последствиями, формы и степени вины причинителя вреда, полноты мер, которые он принял.

Особое внимание Пленум уделил тяжести как физических, так и нравственных страданий. При этом допустил учитывать любые обстоятельства, которые так или иначе оказывают влияние на данный критерий. Среди них, в частности, значимость прав и соответствующих нематериальных благ, характер степени умаления таких благ, поведение самого потерпевшего при причинении вреда, последствия страданий. Обращено было внимание и на вопрос учёта индивидуальных особенностей, среди которых выделен возраст, состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессия, род занятий и пр. Примечательно, что Пленум не указал, каким образом надлежит данные нюансы оценивать.

Нельзя не обратить внимание на то, что Пленум также допустил брать в расчет тяжёлое имущественное положение ответчика, если таковое подтверждено надлежащими доказательствами, перечислив, в частности, некоторые обстоятельства, которые о нём могут свидетельствовать (наличие алиментных обязательств, иждивенцев и пр.).

Анализ Постановления Пленума однозначно свидетельствует о том, что в вопросах оценки морального вреда, как и в вопросах расчёта суммы, подлежащей компенсации, суд оказывается максимально свободным. Такой вывод следует из того, что все критерии, которые были обозначены не только в ГК РФ, но и в Постановлении Пленума, носят весьма размытый характер, они неконкретны, и в целом большинство из них есть оценочные категории.

Конкретных количественных критериев законодатель избегает. Думается, что это одна из проблем и правового регулирования, и правоприменительной практики.

Можно было бы полагаться на справедливость суда. Однако вряд ли можно отрицать то, что у каждого судьи собственный взгляд на каждый из вопросов. И предоставление возможности решать вопрос исключительно по своему усмотрению, но на основе оценочных понятий, вряд ли способно обеспечить хотя бы минимальную предсказуемость судебных процессов, касающихся споров о компенсации морального вреда.

Судебная практика в этом плане весьма показательна. Здесь уместно привести в пример одно из дел, которое рассматривалось Зеленоградским районным судом г. Москвы в апреле 2025 г., когда гражданке были причинены физические и нравственные страдания при посещении магазина. Обстоятельства были следующие: намереваясь приобрести посуду, она взяла в руки одну из банок и пыталась закрыть крышку; однако банка лопнула, в результате чего гражданке была нанесена травма. Причём пострадали связки большого пальца и для неё стали затруднительными обычные бытовые манипуляции, было рекомендовано сделать операцию. В материалах дела отражено много иных обстоятельств, однако их в данном случае конкретизировать вряд ли целесообразно. Сам факт причинения вреда судом был признан. Требуемый же размер компенсации морального вреда истица оценила в 500 000 руб. Суд, признав все обстоятельства, на которые истица ссылалась, доказанными, сослался на заключение прокурора, присудив в итоге компенсацию в сумме 100 000 руб. [5]

Таким образом, присуждённая компенсация составила лишь 20% от запрашиваемого размера. Примечательно, что в решении суда не конкретизировалось, на чем именно основывался прокурор, формулируя выводы в своём заключении. Суд также не привёл детальной аргументации. Это один из наиболее ярких примеров, когда вопрос оценки морального вреда, как и размера

компенсации такого вреда, решается исключительно на основе формального подхода.

В научных исследованиях нередко отмечается наличие аналогичных проблем, выражающихся в избегании судом изучения вопросов, которые касаются детального обстоятельств, в том числе заслуживающих внимания. Причём корень этой проблемы видится именно в отсутствии чёткого законодательного регулирования [6, с. 122].

Надо сказать, что на доктринальном уровне круг проблемных вопросов, которые прямо или косвенно касаются компенсации морального вреда, достаточно широк. Например, З.В. Вешкурцева сформулировала 18 проблемных вопросов, которые остаются не решёнными как на уровне науки, так и на уровне законодательного регулирования [6, с. 123-125].

Во многом проблема и трудность видится в том, что какой-либо единый и эффективный критерий для оценки морального вреда не разработан и вряд ли может быть разработан в принципе [7, с. 190]. Отсюда следует вывод, что речь не может идти о каком-либо одном критерии, необходима целая система критериев, причём взаимосвязанных и максимально конкретных.

Стоит согласиться с теми исследователями, которые подчёркивают наличие лишь общих принципов для определения размера компенсации [9, с. 7]. Здесь не вполне понятно даже, чем именно являются те требования, которые в ГК РФ и актах судов высших инстанций (КС РФ и ВС РФ) сформулированы – принципами или критериями? Думается, что это именно принципы как наиболее общие ориентиры; критериями же назвать их сложно, поскольку они максимально неконкретны.

Среди проблем нельзя не обратить внимание и на сложившуюся практику, когда суды фактически никак не мотивируют свои выводы и решения относительно назначаемых сумм, ограничиваясь при этом лишь цитированием норм ГК РФ, где упоминаются соответствующие принципы или критерии компенсации [9, с. 8]. Думается, на данную проблему ВС РФ должен обратить

особое внимание, предписав более конкретно аргументировать соответствующие решения.

Нельзя не обратить внимание на наличие других весьма значимых проблем, которые касаются оценки морального вреда и назначения компенсации. Во-первых, имеет место колоссальные и, как правило, необоснованные различия в назначаемых размерах компенсации морального вреда. Во-вторых, как средний, так и медианный уровень сумм компенсации крайне низкий. В-третьих, суды не имеют конкретных ориентиров, исходя из которых можно было бы решать вопрос о том, насколько та или иная сумма разумна, справедлива, обоснована. Ярким подтверждением изложенных проблем являются результаты одного из исследований, согласно которым, минимальная и максимальная суммы компенсации за моральный вред в связи с причинением тяжкого вреда здоровью различались в 3127 раз [9, с. 16, 30].

Что касается чрезмерно низких медианных и средних сумм, то такая оценка даётся многими исследователями. Хотя точные выводы по данной проблеме сформулировать вряд ли можно, в том числе и ввиду того, что сумма взыскания зачастую не отражается в тех судебных актах, которые публикуются официально. Тем не менее, представителям Ассоциации юристов России, работавшим над этим вопросом, удалось некоторые сведения собрать и обобщить, благодаря чему был проведён сравнительный анализ практики назначения обычной компенсации в связи с причинением морального вреда как в России, так и за рубежом. Результаты анализа, учитывающие паритет покупательской способности в каждой из рассмотренных стран, показали, что во многих зарубежных странах, прежде всего, западных, суммы компенсации морального вреда многократно превосходят те суммы, которые назначаются российскими судами. В частности, присуждаемые судами Дании и Израиля компенсации морального вреда в среднем выше сумм, присуждаемых российскими судами, в 4,9 раза; в Польше суммы компенсации выше российского уровня в 6 раз, в Греции – в 15,2 раза, в ЮАР – в 7 раз, в Англии –

в 16 раз, в Германии – в 25 раз, во Франции – в 30 раз, в Чехии – в 32 раза, в Италии – в 51 раз [8, с. 26-27].

Учитывая изложенное, невозможно не согласиться с теми авторами, которые считают, что в настоящее время в России крайне необходимо избрать некоторый единый подход для определения размера компенсации за причинённый моральный вред [10, с. 154].

Определённые инициативы уже высказывались ни раз, причём с вполне конкретными предложениями. Например, специалистами Ассоциации юристов России были разработаны методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда, в которых представлена методика, предполагающая учёт 6 составляющих, а именно базовой суммы (базовая вменяемая компенсация), определяемой исходя из прожиточного минимума за определенное количество месяцев, и системы повышающих коэффициентов. И можно дискутировать по поводу отдельных составляющих методики, но в целом конкретный ориентир в денежной форме она давала.

Здесь нельзя не сказать, что в отечественных научных трудах предлагаются различные методики, так или иначе предполагающие ориентацию на конкретные суммы и повышающие коэффициенты, позволяющие учесть многие нюансы, в том числе степень вины, физические и нравственные страдания, характер сопутствующего материального вреда, индивидуальные особенности, иные заслуживающие внимания обстоятельства и пр., и именно в количественном измерении, с определенным единообразием. К сожалению, ни одна из методик пока не получила практического применения, а потому судебные дела, связанные с компенсацией морального вреда, продолжают оставаться крайне непредсказуемыми.

Заключение

Критерии (принципы), исходя из которых российские суды оценивают моральный вред и определяют суммы компенсаций за него, остаются крайне неконкретными, что создает чрезмерный простор для судебного усмотрения и

неоправданно вольного подхода к определению присуждаемых сумм. В этих условиях видится необходимость утверждения некоторого общего ориентира на уровне федерального законодательства, с учетом которого рассматривались бы вопросы компенсации морального вреда.

В этой связи предлагается пересмотреть некоторые нормы ГК РФ и, прежде всего, ст. 151 ГК РФ, дополнив ее положениями о необходимости учета прожиточного минимума в регионе и суммы имущественного вреда, подлежащей возмещению.

С учетом такого подхода необходимо пересмотреть и п. 3 ст. 1099 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «3. Компенсация морального вреда осуществляется с учетом подлежащего возмещению имущественного вреда.»

Необходимо принятие и мер по искоренению формализма в судебной практике при назначении сумм компенсации. Думается, на данную проблему ВС РФ должен обратить особое внимание нижестоящих судов, предписав в соответствующем постановлении Пленума более конкретно аргументировать решения именно в части присуждаемой суммы.

Считаем необходимым положительно оценить подход к определению суммы компенсации на основе прожиточного минимума и повышающих коэффициентов, однако для его конкретного изложения и внедрения в ГК РФ требуется проработка массы нюансов, которые в рамках данной охватить невозможно. Но данный подход законодателю целесообразно принят во внимание.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Зеленоградского районного суда г. Москвы от 24.04.2025 по делу № 2-119/2025 // Официальный сайт судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/>
6. Вешкурцева З.В. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 256 с.
7. Махина С.Н., Вороненко О.А. К вопросу о компенсации морального вреда в сфере публично-правовых отношений в Российской Федерации: коллизии и пробелы законодательного регулирования // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 187-192.
8. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2023. 82 с.
9. Фаст И., Нестеров А., Соколова М. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ. М., 2018. 34 с.
10. Шикула И.Р., Романова Г.В. К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 1(57). С. 145-155.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-

FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 29.05.2025 № 24-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti pervoj stat`i 151 i stat`i 1112 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdan A.G. Bajguskarovoj i M.G. Muxametchina» // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 15.11.2022 № 33 «O praktike primeneniya sudami norm o kompensacii moral`nogo vreda» // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Reshenie Zelenogradskogo rajonnogo suda g. Moskvy` ot 24.04.2025 po delu № 2-119/2025 // Oficial`ny`j sajt sudov obshhej yurisdikcii g. Moskvy`. URL: <https://mos-gorsud.ru/>

6. Veshkurceva Z.V. Kompensaciya moral`nogo vreda pri narushenii lichny`x neimushhestvenny`x prav i pri posyagatel`stve na nematerial`ny`e blaga: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. 256 s.

7. Maxina S.N., Voronenko O.A. K voprosu o kompensacii moral`nogo vreda v sfere publichno-pravovy`x otnoshenij v Rossijskoj Federacii: kollizii i probely` zakonodatel`nogo regulirovaniya // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2022. № 1(58). S. 187-192.

8. Metodicheskie rekomendacii po opredeleniyu razmera kompensacii moral`nogo vreda pri posyagatel`stvax na zhizn`, zdorov`e i fizicheskuyu neprikosnovennost` cheloveka [E`lektronnoe izdanie]. M.: M-Logos, 2023. 82 s.

9. Fast I., Nesterov A., Sokolova M. Kompensaciya moral`nogo vreda pri prichinenii vreda zhizni i zdorov`yu: prakticheskie itogi posle 25 let sushhestvovaniya instituta v RF. M., 2018. 34 s.

10. Shikula I.R., Romanova G.V. K voprosu o primenenii zakonodatel`stva o kompensacii moral`nogo vreda grazhdanam sudami Rossijskoj Federacii // Vlast` Zakona. 2024. № 1(57). S. 145-155.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.7

О СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

**Дерлич Драгана, Ph.D., Университет Южной Джорджии, Стейтсборо,
Джорджия, США, dragderlic_st97@gmail.com**

Аннотация

В статье анализируется содержание конституционного права на благоприятную окружающую среду и некоторые проблемы его реализации. В процессе анализа рассматривается ст. 42 Конституции РФ, а также отдельные положения Федерального закона «Об охране окружающей среды», более детально раскрывающие содержание указанного права. Одной из проблем его конституционного закрепления автор видит отсутствие упоминания в ст. 42 права на защиту окружающей среды от последствий какой-либо деятельности или чрезвычайных ситуаций, исходя из чего предлагает дополнение в указанной нормы. Обосновывается широкий подход к пониманию права на благоприятную окружающую среду, включающий, в том числе, смежные права, среди которых право на судебную защиту и возмещение ущерба. Трудности в определении содержания анализируемого права в статье связываются с многокомпонентным составом окружающей среды и необходимостью обеспечения правовых условий промышленной деятельности, при которых понятия о благоприятной окружающей среде и среде, соответствующей санитарно-гигиеническим нормам, не совпадают фактически. Приводятся некоторые примеры судебной практики, обосновывающие наличие выделяемых проблем. Дается обобщенная характеристика состояния правового регулирования в части обеспечения

гарантий на благоприятную окружающую среду и формулируются авторские рекомендации.

Ключевые слова: возмещение ущерба, конституционные права, право на благоприятную окружающую среду, реализация конституционных прав, экологические права граждан

Статья поступила в редакцию 14.05.2025, одобрена после рецензирования 09.07.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ABOUT THE CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT AND SOME PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Dragana Derlic, Ph.D., University of South Georgia, Statesboro, Georgia, USA

Abstract

The article analyzes the content of the constitutional right to a favorable environment and some problems of its implementation. The analysis examines Article 42 of the Constitution of the Russian Federation, as well as certain provisions of the Federal Law "On Environmental Protection", which disclose in more detail the content of this right. The author sees one of the problems of its constitutional consolidation as the absence of mention in Article 42 of the right to environmental protection from the consequences of any activity or emergency situations, based on which he proposes an addition to the specified norm. A broad approach to understanding the right to a favorable environment is substantiated, including related rights, including the right to judicial protection and compensation for damage. Difficulties in determining the content of the analyzed law in the article are associated with the multicomponent composition of the environment and the need to ensure the legal conditions of industrial activity, in which the concepts of a favorable environment and an environment that meets sanitary and

hygienic standards do not actually coincide. Some examples of judicial practice substantiating the existence of the identified problems are given. A generalized description of the state of legal regulation in terms of ensuring guarantees for a favorable environment is given and the author's recommendations are formulated.

Keywords: compensation for damage, constitutional rights, the right to a favorable environment, realization of constitutional rights, environmental rights of citizens

Введение

В системе конституционных прав и свобод немаловажное место отводится праву на благоприятную окружающую среду. Оно зафиксировано в ст. 42 Конституции РФ [1], которая и является центром внимания в рамках данного исследования. Причём рассматриваемое право может быть подразделено на три элемента [10, с. 106]: непосредственно упомянутое право, право на информацию о состоянии окружающей среды и право на возмещение ущерба, что следует из буквального содержания указанной конституционной нормы. Однако перечисленные компоненты анализируемого права зачастую рассматриваются и отдельно друг от друга [9, с. 13], то есть как относительно самостоятельные права. Но независимо от избранного подхода, вопрос содержания и практической реализации исследуемого права остается актуальным.

Особую значимость в настоящее время получают аспекты практической реализации исследуемого права, тем более в условиях развития промышленности и повсеместных нарушений экологического законодательства.

Основная часть

Упомянутая выше конституционная норма носит общий характер и, несмотря на её особую значимость, не даёт полного представления о том, что же в действительности представляет собой право на благоприятную окружающую среду. Ориентируясь на ее содержание, не представляется возможным сформировать и относительно определённые представления о том, какая же именно среда может или должна считаться благоприятной. В этом плане более

конкретные представления об анализируемом праве даёт Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3] (далее – Закон № 7-ФЗ), в ст. 11 которого уделено внимание раскрытию содержания указанного права в целом и его составляющих.

В п. 1 ст. 11 приводится формулировка рассматриваемого права, во многом аналогичная конституционной, но в расширенном варианте, с упоминанием также права на защиту окружающей среды от последствий:

- какой-либо деятельности;
- чрезвычайных ситуаций.

Формулировка нормы указанного Закона представляется более удачно изложенной, так как в ней усматривается более последовательный подход, более комплексный взгляд на анализируемое право, а потому такой подход целесообразно заимствовать и для совершенствования конституционных положений об указанном праве.

Безусловного внимания заслуживает п. 2 ст. 11 Закона № 7-ФЗ, закрепляющий в сфере охраны окружающей среды также права:

- создавать объединения с соответствующими целями;
- обращаться в органы власти, в том числе в суды;
- принимать участие в публичных мероприятиях;
- выдвигать инициативы;
- содействовать органам власти.

Перечисленные в указанной норме права вполне могут быть рассмотрены в контексте права на благоприятную окружающую среду, если последнее признать комплексным и обобщающим. Однако законодатель придерживается иного подхода. Исходя из формулировки заглавия ст. 11 Закона № 7-ФЗ, обозначенные права разграничены и являются именно правами «в области охраны окружающей среды», а непосредственно право на благоприятную окружающую среду де-юре выступает в качестве одного из множества прав указанной категории.

Тем не менее, определённые основания для рассмотрения перечисленных в ст. 11 прав в качестве компонента комплексного права на благоприятную окружающую среду имеются, ведь, например, для реализации последнего во многих случаях требуется обращение в органы власти, в том числе судебные.

Рассматриваемому праву, как и подавляющему большинству других конституционных прав, законодатель корреспондирует определённые обязанности, которые закреплены в п. 3 ст. 11 Закона № 7-ФЗ. Но этот аспект не представляется необходимым рассматривать в настоящей работе.

Представляемые в научной литературе взгляды на анализируемое право нельзя считать в полной мере однозначными и сформировавшимися, поскольку разными авторами предлагаются различные подходы, и ни один из них не получил нормативного закрепления в действующем законодательстве. Исходя из судебной практики ясных представлений о благоприятной окружающей среде и соответствующем праве сформировать тоже не представляется возможным.

Во многом сложности в формировании представлений о праве на благоприятную окружающую среду, как и трудности в определении понятия «благоприятная окружающая среда», продиктованы комплексным характером соответствующих понятий. В этой связи М.А. Аливердиева подчёркивает наличие трех компонентов, которые формируют благоприятную окружающую среду:

- состояние естественных экологических систем;
- состояние природных факторов;
- состояние природно-антропогенных факторов [9, с. 13].

В целом такой подход расцениваем обоснованным, поскольку в нем отражаются все возможные варианты, в которых окружающая среда может быть представлена. М.А. Аливердиева при этом, исходя из трех составляющих окружающей среды, делает вывод о широте понятия «благоприятная окружающая среда», в связи с чем окружающую среду описывает как среду, обусловленную состоянием почвы, воздуха и пр. компонентов, а также

состоянием всего того, что было создано человеком, в том числе и состоянием городской среды [9, с. 13]. Данный подход в целом уместно поддержать, хотя нельзя исключить и трактовки окружающей среды в узком аспекте, в том числе применительно к отдельным юридически значимым ситуациям, когда имеет место решение вопроса в рамках конкретной весьма ограниченной территории (пространства).

Учитывая широкий взгляд на феномен окружающей среды, в том числе благоприятной окружающей среды, можно было бы полагать, что и взгляд и на содержание анализируемого права тоже будет отличаться широтой. Но отечественный законодатель предпочел узкий подход, на что указывает, в частности, О.В. Тимофеева, анализирующая проблематику окружающей среды в контексте градостроительной деятельности и отмечающая, что благоприятная окружающая среда законодателем рассматривается исключительно в контексте санитарно-гигиенических норм. Такой подход, по её мнению, не даёт возможности создать оптимальные условия для функционирования естественных экологических систем [11, с. 8]. Думается, что ограничительный подход в данном случае подчеркнут вполне обоснованно. Но законодателя понять можно: санитарно-гигиенические нормы выступают некоторым ориентиром. В случае же их отсутствия и конкретный ориентир отсутствовал бы вовсе.

Учитывая, что санитарно-гигиенические нормативы во многом формируются с оглядкой на фактическое, а не на желаемое состояние окружающей среды, с учётом необходимости обеспечения правовых условий для промышленной и иной деятельности, соответствие той или иной среды таким нормативам не всегда означает, что она оптимальна для человека и вообще благоприятна. Иными словами, понятие «благоприятная окружающая среда» и «окружающая среда, соответствующая санитарно-гигиеническим нормативам» – понятия принципиально различные, хотя они могут совпадать.

Стоит согласиться с М.А. Аливердиевой в том, что разработка определения понятия «благоприятная окружающая среда», которое могло бы рассматриваться в качестве универсального, крайне затруднительна или же вовсе невозможна, особенно на международном уровне, поскольку государства не одинаковы по уровню своего социально-экономического развития, политическому режиму, государственному устройству. Хотя работа в этом направлении продолжается [9, с. 14]. В этой связи положительно можно оценить тот факт, что в настоящее время порядка 155 стран обеспечили нормативное закрепление права на благоприятную окружающую среду именно на конституционном уровне [10, с. 104].

С учётом изложенного можно полагать, что недостатки нормативного регулирования права на благоприятную окружающую среду обусловлены объективными обстоятельствами. Вместе с тем, отечественное экологическое законодательство, призванное обеспечить возможности для реализации рассматриваемого права, нельзя называть не развивающимся. Государством постоянно предпринимаются меры, которые нацелены на совершенствование как законодательных, так и подзаконных правовых норм в части охраны окружающей среды и обеспечения соответствующего права граждан на благоприятную окружающую среду, в результате чего сформирован огромный объём нормативного материала. Сложное экологическое законодательство формирует некоторое впечатление о том, что экологической проблематике уделяется повышенное внимание. Однако если обратиться к материалам официальной отчётности, то, как пишет К.С. Сусликова, в большинстве случаев будет очевидна либо относительная стабильность состояния окружающей среды, либо отрицательные характеристики ее состояния. При этом каких-либо существенных изменений в лучшую сторону, например, в плане состояния воды, атмосферного воздуха, почвы и пр., не отмечается [10, с. 107].

Изложенное вполне подтверждается данными Проекта доклада Минприроды «О состоянии и об охране окружающей среды Российской

Федерации в 2024 году» [7], где также прослеживается сугубо формальный подход к оценке проблем, имеющих в области охраны окружающей среды и реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Указанный Проект интересен и некоторыми другими аспектами. В частности, в нем употреблено понятие «качественная окружающая среда», в то время, как в конституционных нормах законодатель оперировал понятием «благоприятная окружающая среда». В этом прослеживается явное отсутствие единой терминологии.

Согласно указанному Проекту, рассматриваемое право реализуется при помощи проведения последовательной и научно-обоснованной государственной политики в области охраны окружающей среды. В этом тоже прослеживается грубый формализм, ведь указанное право реализуется и иными путями. Что же касается государственной политики, то ее вряд ли можно оценить как последовательную.

Сложности в реализации рассматриваемого права во многом обусловлены комплексным характером самой окружающей среды и права на благоприятную окружающую среду. Аргументируя это, отметим, что в том же Проекте государственного доклада в числе властных структур, решающих вопросы экологического характера, перечислены Роснедра, Росводресурсы, Минтранс России, Минэнерго России, Ростехнадзор, и у каждой из структур свои задачи, свои проблемы.

Примечательно, что в упомянутом выше Проекте государственного доклада отсутствует какая-либо информация о доле (численности) населения, проживающего в неблагоприятных экологических условиях. Этот факт даёт основания для вывода о сугубо формальном подходе к оценке экологической проблемы на федеральном уровне.

Что же касается отсутствия последовательной политики в рассматриваемой сфере, то вывод об этом можно сделать и исходя из того, что по этой проблематике данные, отражающие состояние окружающей среды и

практику реализации соответствующего права, представляются в разных отчётных документах. В этой связи, помимо государственного доклада публикуются иные документы.

В ряду важнейших официальных публикаций федерального уровня за 2024 г. можно выделить и подготовленный в Росгидромете Обзор состояния и загрязнения окружающей среды, где весьма наглядно представлена экологическая проблематика современной России. Конечно, все обозначенные в нем проблемы рассмотреть не получится в контексте настоящей статьи, однако на отдельные нюансы внимание обратить стоит. Например, Индекс загрязнения атмосферы (ИЗА) отражает 4 уровня загрязнений:

- менее 5 (низкий уровень загрязнения);
- от 5 до 6;
- от 7 до 13;
- 14 или более (высокий уровень загрязнения).

По данным, представленным в указанном Обзоре, в 116 городах России (48% от общего количества городов, где производились измерения), ИЗА превышает 7. Более того, в 33 городах зарегистрированы случаи, когда предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ были превышены более чем в 10 раз [6, с. 82-88].

Приведённые данные свидетельствуют о том, что нарушения права граждан на благоприятную окружающую среду носят массовый и систематический характер. В такой ситуации практика судебной защиты указанного права остаётся слабо развитой, чему есть вполне понятное объяснение: как российское общество в целом, так и структуры власти в большей степени заботятся о проблематике социально-экономического и политического характера, нежели о вопросах экологических [10, с. 107]. Изложенное, однако, не означает, что проблема нарушения рассматриваемого права фактически менее актуальна. Напротив, ее актуальность и острота сомнений не вызывает, как и

необходимость принятия кардинальных мер по изменению сложившейся ситуации.

Сложившиеся условия, к сожалению, не благоприятствуют реализации рассматриваемого права, особенно с учетом того, что в информационном поле данные о состоянии окружающей среды зачастую представляются с запозданием, в связи с чем нередко становятся уже неактуальными. В этой связи проблема обеспечения граждан достоверной информацией о состоянии окружающей среды тоже остаётся не решённой, причём как на федеральном уровне, так на уровне субъектов РФ и муниципальных образований [10, с 108]. Учитывая, что граждане должной информации оперативно не получают, реализовать своё право на благоприятную окружающую среду, и в том числе на компенсацию вреда, тоже становится зачастую затруднительно.

Законодательство не всегда совершенствуется в направлении, способствующем более эффективной защите права на благоприятную окружающую среду. Так, при разработке и принятии Федерального закона от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [2] изначально предполагалось обеспечивать соответствующие территории особой охраной от негативного воздействия, однако их статус на законодательном уровне был нивелирован, сами земли исключили из «природоохранной» категории, в том числе по экономическим соображениям [8, с. 55].

В данной сфере присутствует множество проблем, каждая из которых прямо или косвенно осложняет реализацию рассматриваемого права. В частности, отсутствуют какие-либо универсальные юридические механизмы компенсации вреда здоровью, если таковой экологически обусловлен; уголовная политика тоже отличается низкой эффективностью; правоохранительные органы не проявляют должной активности в части противодействия негативному воздействию на окружающую среду [8, с. 56].

Весьма точно проблематику в рассматриваемой сфере охарактеризовала О.В. Тимофеева, подчеркнув, в частности, противоречия в иерархии публичных интересов, отсутствие правовых предписаний, которые бы прямо обязывали соответствующие органы руководствоваться всеми экологическими нормами в ходе разработки градостроительной документации, неопределённость понятий «благоприятная окружающая среда», «качество городской среды», «комфортная окружающая среда», несовершенство гарантий доступа к экологической информации [11, с. 9].

В этих условиях можно было бы полагать, что во многих случаях исключительно судебные механизмы могут стать действенными при реализации права на благоприятную окружающую среду. Однако и в этом имеются свои трудности: как правило, факт ухудшения состояния здоровья по экологическим причинам доказать затруднительно, поскольку причинно-следственная связь не всегда очевидна [12, с 53].

Государственные органы, призванные обеспечивать контроль (надзор) в экологической сфере, тоже не всегда проявляют должную активность; если же такая активность и имеет место, то нередко принятие мер государственного реагирования предполагает применение санкций, недостаточных для того, чтобы соответствующие субъекты, нарушающие экологическое законодательство, стимулировать к дальнейшему соблюдению действующих норм.

Во многих случаях судебные разбирательства, касающиеся установления случаев нарушения экологического законодательства, длятся год или более [4], санкции же за нарушение экологических норм зачастую несопоставимы с ущербом, который в тех или иных случаях причиняется окружающей среде и гражданам. В этой связи одним из редких примеров принятия жёстких мер в области охраны окружающей среды стало взыскание с одной из компаний, расположенных в г. Норильске, более 146 млрд. руб. в связи с допущением разлива нефтепродуктов [5].

Заключение

Право на благоприятную окружающую среду целесообразно рассматривать как комплексную категорию, включающую также и смежные правомочия, связанные с получением достоверной и актуальной информации о состоянии окружающей среды, а также справедливого и соразмерного возмещения ущерба.

Практика и данные статистики свидетельствуют о том, что состояние окружающей среды как в целом по стране, так и во многих населённых пунктах затрудняет реализацию указанного права, судебные механизмы реализации отдельными гражданами соответствующего права функционируют слабо. В этих условиях первоочередную роль в содействии реализации рассматриваемого права играют органы контроля (надзора). Поэтому важно распространять в федеральном масштабе практику применения максимально жёстких санкций за нарушение норм экологического законодательства.

Также предлагается признать, что в ст. 42 Конституции РФ упущен из внимания такой аспект, как право на защиту окружающей среды от негативного воздействия, опосредованного человеческой деятельностью или чрезвычайными ситуациями, который, тем не менее, был учтен в п. 1 ст. 11 Закона № 7-ФЗ. Ориентируясь на это, выдвигается предложение внести в ст. 42 Конституции РФ соответствующее дополнение, предусмотрев также право гражданина на защиту окружающей среды от негативного воздействия, обусловленного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

4. Определение Верховного Суда РФ от 03.07.2023 № 305-ЭС22-27963 по делу № А40-70161/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>

5. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12.02.2021 по делу № А33-27273/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

6. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2024 год / Отв. ред. Г.М. Черногаева. М.: Росгидромет, 2025. 222 с.

7. Проект Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году». М.: Минприроды России; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. 721 с.

8. Аверьянова Н.Н. Обеспечение экологических прав граждан России - приоритетное направление экологической политики государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 53-59.

9. Аливердиева М.А. Право человека на благоприятную окружающую среду: теоретико-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 12-15.

10. Сусликова К.С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 104-110.

11. Тимофеева О.В. Реализация права на благоприятную окружающую среду при разработке и утверждении градостроительной документации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 243 с.

12. Юн Л.В. Актуальные проблемы реализации права ребёнка на благоприятную окружающую среду // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 46-55.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Federal'nyj zakon ot 07.05.2001 № 49-FZ (red. ot 08.12.2020) «O territoriyax tradicionnogo prirodopol'zovaniya korenny'x malochislenny'x narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 20. St. 1972.
3. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 26.12.2024) «Ob ohrane okruzhayushhej sredy» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 2. St. 133.
4. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 03.07.2023 № 305-E`S22-27963 po delu № A40-70161/2021 // Kartoteka arbitrazhny'x del. URL: <https://kad.arbitr.ru>
5. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraja ot 12.02.2021 po delu № A33-27273/2020 // Kartoteka arbitrazhny'x del. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
6. Obzor sostoyaniya i zagryazneniya okruzhayushhej sredy` v Rossijskoj Federacii za 2024 god / Otv. red. G.M. Chernogaeva. M.: Rosgidromet, 2025. 222 s.
7. Proekt Gosudarstvennogo doklada «O sostoyanii i ob ohrane okruzhayushhej sredy` Rossijskoj Federacii v 2024 godu». M.: Minprirody` Rossii; FGBU «VNII E`kologiya», 2025. 721 s.
8. Aver`yanova N.N. Obespechenie e`kologicheskix prav grazhdan Rossii - prioritnoe napravlenie e`kologicheskoy politiki gosudarstva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo. 2022. T. 22, № 1. S. 53-59.

9. Aliverdieva M.A. Pravo cheloveka na blagopriyatnuyu okruzhayushhuyu sredu: teoretiko-pravovoj aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 5. S. 12-15.
10. Suslikova K.S. O konstitucionnom prave na dostovernuyu informaciyu ob okruzhayushhej srede i nekotory`x problemax ego realizacii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 1(52). S. 104-110.
11. Timofeeva O.V. Realizaciya prava na blagopriyatnuyu okruzhayushhuyu sredu pri razrabotke i utverzhdenii gradostroitel`noj dokumentacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 243 s.
12. Yun L.V. Aktual`ny`e problemy` realizacii prava rebyonka na blagopriyatnuyu okruzhayushhuyu sredu // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 3. S. 46-55.

Научная статья

УДК 342

ОБЖАЛОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

**Дакен Джейн С., Ph.D., доцент уголовного правосудия и криминологии,
Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США,
janedknhsv@icloud.com**

Аннотация

Цель статьи – раскрыть отдельные наиболее спорные и проблемные аспекты данной темы обжалования, также определить возможные направления решения проблем с учетом актуального состояния законодательства и правоприменительной практики. В ней рассматривается нормативная основа обжалования, прежде всего, представленная Приказом Минпросвещения России от 04.04.2023 № 223, позволяющая подавать апелляцию на нарушение порядка проведения ЕГЭ или на выставленные за экзамен баллы; подчёркиваются некоторые различия каждого из вариантов апелляции. Уделяется внимание вопросу судебного обжалования, причём в рамках административного судопроизводства, и именно в практическом аспекте. Автором признается трудность анализа характера и распространённости проблематики обжалования ввиду отсутствия в открытом доступе официальных публикаций, содержащих статистику относительно подачи апелляций на досудебной стадии и статистики судебных разбирательств касательно результатов ЕГЭ или нарушения порядка его проведения. Рассмотрено несколько примеров, характеризующих судебную проблематику разрешения споров по поводу результатов ЕГЭ, с учётом чего выявлены некоторые нарушения. Высказана мысль о чрезмерно длительных сроках рассмотрения дел в связи с обжалованием ЕГЭ в судах; подчеркнуто наличие практики привлечения к ответственности участников ЕГЭ за нарушение

его порядка без должной фиксации и изъятия запрещённых для проноса предметов. Предложены некоторые направления решения проблем.

Ключевые слова: административный иск, апелляция, ГИА, досудебный порядок урегулирования спора, ЕГЭ, обжалование результатов ЕГЭ, право на обжалование

Статья поступила в редакцию 09.07.2025, одобрена после рецензирования 06.09.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

APPEALING THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAM: PROBLEMS OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

**Jane C. Daquin, Ph.D., Associate Professor of Criminal Justice and
Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA**

Abstract

The purpose of the article is to reveal some of the most controversial and problematic aspects of this appeal topic, as well as to identify possible ways to solve problems, taking into account the current state of legislation and law enforcement practice. It examines the regulatory framework for appeal, primarily provided by the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 04.04.2023 No. 223, which allows you to file an appeal for violation of the procedure for conducting the Unified State Exam or for exam scores; highlights some differences between each of the appeal options. Attention is being paid to the issue of judicial appeal, and in the framework of administrative proceedings, and specifically in the practical aspect. The author acknowledges the difficulty of analyzing the nature and prevalence of the appeal issue due to the lack of publicly available official publications containing statistics on appeals at the pre-trial stage and statistics on court proceedings regarding the results of the Unified State Exam or violations of the procedure for its conduct. Several examples

are considered that characterize the judicial issues of resolving disputes over the results of the Unified State Exam, taking into account which some violations have been identified. The idea was expressed about excessively long periods of consideration of cases in connection with the appeal of the Unified State Exam in the courts; it was emphasized that there is a practice of holding participants accountable for violating its order without properly recording and removing prohibited items. Some directions of problem solving are proposed.

Keywords: administrative claim, appeal, GIA, pre-trial dispute settlement procedure, Unified State Exam, appeal of the results of the Unified State Exam, the right to appeal

Введение

Проблематика оспаривания результатов Государственной итоговой аттестации (ГИА) прямо или косвенно затрагивает (может затронуть) интересы подавляющего большинства обучающихся, что отражает особую практическую значимость темы данной статьи.

Российское право как на уровне законодательного регулирования образования, так и в рамках подзаконной регламентации, остаётся весьма далёким от желаемого идеала. Особенно это касается процедуры проведения единого государственного экзамена (ЕГЭ) и рассмотрения соответствующих апелляций на его результаты.

Раскрыть отдельные наиболее спорные и проблемные аспекты данной темы, также определить возможные направления решения проблем с учетом актуального состояния законодательства и правоприменительной практики призвана настоящая статья.

Основная часть

Изучая вопрос обжалования результатов ЕГЭ, логично абстрагироваться от норм Конституции РФ и федерального законодательства об образовании, которые в целом закрепляют соответствующие права в части объективного, справедливого оценивания подготовки обучающихся и реализации права на

обжалование тех или иных решений. Ключевое внимание здесь следует сосредоточить непосредственно на Приказе Минпросвещения России от 04.04.2023 № 233 [2], который наряду с порядком проведения ГИА регламентирует и вопросы, касающиеся приёма и рассмотрения апелляций. Для них выделен специальный раздел IX.

П. 98 названного Приказа в рамках регламентации права на апелляцию позволяет обжаловать нарушение порядка проведения экзамена и сами результаты, то есть выставленные баллы. Выбор того или иного варианта во многом зависит от конкретной ситуации. Но в любом случае обжалование касается именно результатов, ведь, например, при нарушении порядка и соответствующем обжаловании главный вопрос, как правило, касается именно результатов, в том числе обусловленных отстранением экзаменуемого от сдачи экзамена и аннулированием его результата.

Между представленными вариантами апелляции имеются значимые различия по времени, адресату, порядку рассмотрения и возможным результатам. Так, несоблюдение порядка проведения экзамена допустимо обжаловать исключительно в день его проведения, причём обжалующий субъект не должен покидать самого пункта проведения экзамена. Апелляция в этом случае представляется члену государственной экзаменационной комиссии (ГЭК), а длительность рассмотрения составляет не более 2 рабочих дней. Положительное решение относительно апелляции наделяет экзаменуемого правом сдачи экзамена в другой день; при этом имеющийся результат сдачи экзамена аннулируется.

Очевидно, что в этом случае экзаменуемый должен быть максимально подготовлен не только в плане знаний, необходимых для успешной сдачи экзамена, но и в юридическом аспекте, поскольку представление апелляции, касающейся нарушения порядка проведения экзамена, требует учёта множества нюансов, быстроты принятия решений и пр. Безусловно, психологические аспекты и возможные препятствия, пусть и находящиеся в рамках правового

поля, здесь не должны создавать существенных помех, однако экзаменуемый должен быть к ним готов.

Несколько иной порядок предусмотрен для представления апелляций в случае несогласия экзаменуемого с выставленными баллами. Получив информацию о результате экзамена, он вправе в течение 2 рабочих дней представить апелляцию, как правило, в то образовательное учреждение (школу), в котором обучается; если апелляция подаётся гражданином, являющимся выпускником прошлых лет, то местом подачи апелляции является непосредственно место, в котором он зарегистрирован на сдачу ЕГЭ. Длительность рассмотрения апелляции в таком случае составляет не более 4 дней, а итогом, как правило, является пересчёт результата и утверждение его ГЭК. В любом случае информация о результатах рассмотрения апелляции доводится до сведения обжалующих в течение 3 рабочих дней.

Принципиально важно обратить внимание на ряд вопросов, которые, исходя из рассматриваемого документа, не могут быть обжалованы в несудебном порядке в рамках апелляции:

- содержание и структура задания;
- неправильное оформление экзаменационной работы;
- нарушение экзаменуемым требований к порядку проведения ЕГЭ;
- оценивание результата с кратким ответом.

Однако в таком случае экзаменуемый вправе обратиться непосредственно в суд с соответствующим административным иском, минуя досудебную стадию урегулирования спора.

Нельзя не подчеркнуть особую важность возможности представления и рассмотрения апелляций в дистанционном формате. Данный вопрос, как правило, решается ГЭК. И в целом изложенное отражает наличие вполне оперативного инструмента разрешения споров, что можно оценить положительно.

Принципиально важно подчеркнуть возможность присутствия при рассмотрении апелляции достаточно широкого круга субъектов, в том числе:

- членов ГЭК;
- наблюдателей, представляющих общественность, но при условии наличия аккредитации;
- должностных лиц Рособнадзора;
- эксперта предметной комиссии и пр.

Нельзя не обратить особое внимание на п. 104 указанного документа, который предписывает рассматривать апелляцию «в спокойной и доброжелательной обстановке». Данный пункт также не допускает рассматривать материалы апелляции тем субъектам, которые участвовали в организации или проведении соответствующего экзамена либо были задействованы в проверке работы данного экзаменуемого.

Процесс и результаты работы апелляционной комиссии фиксируются соответствующим протоколом, что в целом является типичной практикой для рассмотрения подобного рода спорных вопросов в административном порядке.

В контексте изложенного нельзя не обратить внимание на некоторые недостатки нормативной основы, регламентирующей вопросы обжалования итогов ЕГЭ более детально. В частности, рассмотрение апелляций осуществляется, в том числе, на основе Методических рекомендаций по работе апелляционной комиссии [3]. Здесь возникает вопрос о том, является ли настоящий документ обязательным к применению? Ведь исходя из самого наименования, Методические рекомендации носят именно рекомендательный характер, однако их содержание свидетельствует об их фактической обязательности.

Тем не менее, учитывая минимальные сроки рассмотрения апелляций в рамках внесудебного порядка, нет сомнений в том, что каких-либо трудностей при поступлении в дальнейшем в то или иное профессиональное учебное заведение не возникнет именно по причинам досудебного разбирательства.

Однако определенная доля учащихся, обжалующих результаты ЕГЭ в порядке апелляции, остается не удовлетворена решением апелляционной комиссии, в связи с чем используются инструменты судебного обжалования.

К сожалению, материалов официальной статистики, которые бы содержали актуальные данные о количестве случаев досудебной апелляции, доле удовлетворенных и отклоненных апелляций, доле отклоненных апелляций, обжалуемых в судебном порядке, найти не удалось. Однако некоторые данные все же были изучены. Так, решения судов первой инстанции, выносимые в связи с рассмотрением дел по поводу обжалования итогов ЕГЭ, в 87% случаев не обжалуются [4]. В остальных ситуациях граждане обжалуют соответствующие решения вплоть до Верховного Суда РФ. Основания для этого есть вполне конкретные, содержащиеся в гл. 22 КАС РФ [1].

Надо сказать, что в целом информация о результатах ЕГЭ, в том числе отражающая результаты ЕГЭ по стране, по регионам, а также об обжаловании и пересмотре итогов ЕГЭ, не относится к категории закрытой, конфиденциальной, однако она не систематизируется и в обобщённом виде не публикуется. Публичные же доклады, которые зачастую представляются общественности, в том числе в рамках выступления официальных лиц, как правило, данных об обжаловании не содержат. Например, С. Кравцов, информируя о завершении основного периода ЕГЭ в 2025 г., подчеркнул лишь высокий организационный уровень и отсутствие серьёзных нарушений. Однако каких-либо статистических данных, которые отражали бы проблематику обжалования, он не привёл [9].

На официальном портале Рособнадзора в разделе «Планы и отчёты» также не удалось найти статистические данные о результатах ЕГЭ и статистике их обжалования [8].

Тем не менее, некоторые выводы о наличии определённых проблем, касающихся обжалования результатов ЕГЭ, можно сделать исходя из анализа материалов конкретных судебных дел.

Так, рассматривая одно из дел, суд первой инстанции удовлетворил административный иск Ч., поскольку не признал видеозапись, на которой была запечатлена Ч. в ходе сдачи экзамена с листком бумаги, достоверным доказательством использования ей при сдаче ЕГЭ материалов справочного характера. Суд исходил из того, что видеозапись достоверно не свидетельствовала о том, что именно справочные материалы содержались на листе бумаги, который Ч. достала из кармана. Иную позицию занял суд апелляционной инстанции, указав на то, что значение имеет сам факт наличия у Ч. постороннего предмета в виде листа бумаги, что запрещено правилами проведения ЕГЭ [4].

Другой случай, представляющий интерес, был связан с удалением М. с ЕГЭ, поскольку данный экзаменуемый, отпросившись в санитарную комнату и войдя в неё, увидел на полу мобильный телефон, который член ГЭК его попросил поднять. Однако экзаменуемый отказался выполнить просьбу, после чего член ГЭК сам поднял телефон, а в отношении экзаменуемого составили акт об удалении с ЕГЭ. В связи с этим фактом экзаменуемый обратился в суд, который встал на его сторону, указав на отсутствие доказательств, которые бы подтверждали факт принадлежности телефона экзаменуемому. А нахождение телефона на полу суд отказался расценивать как доказательство несоблюдения порядка проведения ГИА [4].

Другое весьма интересное дело касалось обжалования гражданином Ш. его удаления с ЕГЭ и аннулирования результатов в связи с выносом им из аудитории контрольных измерительных материалов, содержащих экзаменационные задания. Суд первой инстанции встал на его сторону, удовлетворив иск. Однако в суды апелляционной и кассационной инстанций приняли позицию административного ответчика. Основная проблема здесь касалась оценки доказательств и в целом доказывания. Суд первой инстанции отметил, что так как при Ш. не было обнаружено каких-либо запрещённых для проноса на ЕГЭ предметов, то и нарушения отсутствуют. Однако суд апелляционной инстанции

более пристально рассмотрел доказательства, в том числе отражавшие наличие контрольных измерительных материалов, лично выданных Ш., в сети Интернет, что и стало аргументом в пользу отклонения иска. Примечательно, что в этом случае разбирательство длилось с июля 2023 г. по январь 2025 г., то есть практически полтора года [5]. Вряд ли такой срок может считаться разумным, особенно с учетом того, что результаты ЕГЭ по сути определяют возможность гражданина поступить в образовательное учреждение для приобретения специальности, и такая возможность обычно жестко ограничена определенным промежутком времени.

Весьма показательным является дело, рассмотренное Пятым кассационным судом общей юрисдикции в 2025 г. в связи с фактом аннулирования результатов ЕГЭ гражданина Ч. в июле 2024 г., когда сотрудником Рособрназора был составлен протокол об административном правонарушении ввиду якобы допущенного Ч. нарушения, выразившегося в использовании шпаргалки. Однако и суд первой инстанции установил, что протокол составлялся в отсутствии указанного гражданина, а при проведении экзамена при нём не было обнаружено каких-либо запрещённых предметов, он не был удален с ЕГЭ и предварительно прошел проверку на наличие запрещённых к проносу на экзамен предметов. Суды вышестоящих инстанций также встали на его сторону. При этом окончательное положительное решение в свою пользу он получил лишь в феврале 2025 г., в то время как спорная ситуация возникла в июле 2024 г. То есть указанный гражданин, будучи невиновным в нарушении, фактически был лишён возможности поступить в учебное заведение для получения специальности непосредственно после окончания школы [6].

Есть и иные во многом аналогичные дела. В ходе рассмотрения одного из них, дошедшего также до кассационной инстанции, выяснилось, что составившее протокол о нарушении должностное лицо не присутствовало в аудитории и штабе, где проводился и организовывался ЕГЭ. Более того, сам запрещенный к проносу предмет у экзаменуемого изъят не был, в акте не

описывался его внешний вид, исходя из чего было установлено, что вывод о нарушениях был сделан на основе предположений [7].

Заключение

Процедура обжалования результатов ЕГЭ далека от совершенства, причем как в части досудебной апелляции, так и в части судебного обжалования. При этом однозначный вывод о масштабе проблемы сделать сложно, поскольку официальная статистика, которая бы отражала данные об обжаловании, не публикуется. Вместе с тем, наличие нарушений в работе ГЭК и лиц, имеющих право привлекать к ответственности участников ГИА, делают инструменты обжалования крайне значимыми.

В рамках досудебного обжалования апелляции рассматриваются максимально оперативно, что же касается судебных разбирательств, то они отличаются чрезмерной длительностью. Так, одно из изученных дел рассматривалось (с учётом кассационного обжалования) около полутора лет. Отсюда следует и потребность в совершенствовании не только законодательства, но и правоприменительной практики.

Считаем, что есть необходимость рассмотрения вопроса о законодательном сокращении предельных сроков рассмотрения дела в связи с обжалованием результатов ЕГЭ.

Необходимо также конкретизировать требования к процедуре фиксации нарушений со стороны экзаменуемых, чтобы исключить возможные злоупотребления. Считаем, что в качестве обязательного условия принятия к экзаменуемому меры в виде удаления с ЕГЭ должна быть не только видео-фиксация, но и детальное описание нарушения в соответствующем протоколе.

Применению меры в виде удаления с ЕГЭ за использование (пронос) запрещенных предметов непременно должно предшествовать изъятие соответствующего предмета.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Приказ Минпросвещения России № 233, Рособрнадзора № 552 от 04.04.2023 (ред. от 12.04.2024) «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 16.05.2023, № 0001202305160003
3. Методические рекомендации по работе апелляционной комиссии субъекта Российской Федерации при проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в 2025 году (Приложение № 13 к письму Рособрнадзора от 22 января 2025 г. № 04-15) // Официальный портал Рособрнадзора. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2025/01/13.-mr-po-ak-gia-11-v-2025-godu.pdf>
4. Обобщение судебной практики по административным делам об оспаривании решений государственных экзаменационных и конфликтных комиссий субъектов Российской Федерации при проведении в 2016 году государственной итоговой аттестации по программам среднего общего образования в форме единого государственного экзамена (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2017) // Портал Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11428
5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2025 по делу № 88а-1430/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311326963>
6. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2025 по делу № 8а-339/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311671389>

7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 по делу № 8а-341/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311792723>
8. Планы и отчеты // Официальный сайт Рособrnadzora. URL: https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/plans_and_reports/
9. Сергей Кравцов: «Основной период ЕГЭ-2025 прошел на высоком организационном уровне и без серьезных нарушений» // Официальный сайт Минпросвещения России. 07.07.2025. URL: <https://edu.gov.ru/press/10126/sergey-kravcov-osnovnoy-period-ege-2025-proshel-na-vysokom-organizacionnom-urovne-i-bez-sereznyh-narusheniy/>

References

1. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 07.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 10. St. 1391.
2. Prikaz Minprosveshheniya Rossii № 233, Rosobrnadzora № 552 ot 04.04.2023 (red. ot 12.04.2024) «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya gosudarstvennoj itogovoj attestacii po obrazovatel'ny'm programmam srednego obshhego obrazovaniya» // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: www.pravo.gov.ru, 16.05.2023, № 0001202305160003
3. Metodicheskie rekomendacii po rabote apellyacionnoj komissii sub`ekta Rossijskoj Federacii pri provedenii gosudarstvennoj itogovoj attestacii po obrazovatel'ny'm programmam srednego obshhego obrazovaniya v 2025 godu (Prilozhenie № 13 k pis'mu Rosobrnadzora ot 22 yanvarya 2025 g. № 04-15) // Oficial'ny'j portal Rosobrnadzora. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2025/01/13.-mr-po-ak-gia-11-v-2025-godu.pdf>
4. Obobshhenie sudebnoj praktiki po administrativny'm delam ob osparivanii reshenij gosudarstvenny'x e'kzamenacionny'x i konfliktny'x komissij sub`ektov Rossijskoj Federacii pri provedenii v 2016 godu gosudarstvennoj itogovoj attestacii po programmam srednego obshhego obrazovaniya v forme edinogo gosudarstvennogo

e`kzameny (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 01.06.2017) // Portal Verxovnogo Suda RF. URL: https://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=11428

5. Opredelenie Shestogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 23.01.2025 po delu № 88a-1430/2025 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311326963>

6. Opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 19.02.2025 po delu № 8a-339/2025 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311671389>

7. Opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 26.02.2025 po delu № 8a-341/2025 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311792723>

8. Plany` i otchety` // Oficial`ny`j sajt Rosobrnadzora. URL: https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/plans_and_reports/

9. Sergej Kravczov: «Osnovnoj period EGE`-2025 proshel na vy`sokom organizacionnom urovne i bez ser`ezny`x narushenij» // Oficial`ny`j sajt Minprosveshheniya Rossii. 07.07.2025. URL: <https://edu.gov.ru/press/10126/sergey-kravcov-osnovnoy-period-ege-2025-proshel-na-vysokom-organizacionnom-urovne-i-bez-sereznyh-narusheniy/>

Научная статья

УДК 342.417

ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАПРЕТА МОНОПОЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЯХ»

**Айкен Мэри, PhD, профессор киберпсихологии и заведующий кафедрой,
Капитолийский технологический университет, Вашингтон, США;
профессор судебной киберпсихологии, Университет Восточного Лондона,
maryaikencyber@icloud.com**

Аннотация

В статье поднимаются вопросы соблюдения конституционного запрета монополизации в рамках Федерального закона «О естественных монополиях». В основе работы лежит детальный анализ положений ст. 34 Конституции РФ и некоторых иных конституционных норм, положений указанного Федерального закона и Федерального закон «О защите конкуренции». Автор признает, что с учётом указанной конституционной нормы деятельность естественных монополий действительно на первый взгляд представляется не в полной мере отвечающий конституционным идеям, однако, но при более тщательном исследовании и учете других норм картина становится принципиально иной, что и отмечается в данном данной работе. Обосновывая соответствие Конституции Федерального закона «О естественных монополиях», автор приводит идеи социальной справедливости, социальной ориентированности и баланса частных, государственных и общественных интересов, которым в целом естественные монополии отвечают. В научных исследованиях, также рассматриваемых в рамках данной работы, отношение к естественным монополиям не совсем однозначное, хотя в целом правомерность их учреждения не отрицается, в том числе и с учётом конституционных положений. Тем не менее, проблема научно-теоретических основ и регулирования естественных монополий очевидна. Во многих исследованиях на явные противоречия не обращается внимание, хотя положения ст. 34 Конституции цитируются во многих трудах, в том числе и в

контексте регулирования деятельности естественных монополий. С учётом рассмотренных проблем автором предлагается внести в Конституцию дополнения.

Ключевые слова: естественные монополии, запрет монополизации, конкуренция, конституционный запрет, рыночные принципы

Статья поступила в редакцию 05.06.2025, одобрена после рецензирования 04.08.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ISSUES OF COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL PROHIBITION OF MONOPOLIZATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE FEDERAL LAW "ON NATURAL MONOPOLIES"

Aiken Mary, PhD, Professor of Cyberpsychology and Head of Department, Capitol Technology University, Washington, DC, USA; Professor of Forensic Cyberpsychology, University of East London

Abstract

The article raises issues of compliance with the constitutional prohibition of monopolization within the framework of the Federal Law "On Natural Monopolies". The work is based on a detailed analysis of the provisions of Article 34 of the Constitution of the Russian Federation and some other constitutional norms, the provisions of the said Federal Law and the Federal Law "On Protection of Competition". The author acknowledges that, taking into account this constitutional norm, the activities of natural monopolies do not seem at first glance to fully comply with constitutional ideas, however, but with more careful study and consideration of other norms, the picture becomes fundamentally different, which is noted in this paper. Justifying the compliance of the Federal Law "On Natural Monopolies" with the Constitution, the author cites the ideas of social justice, social orientation and a balance of private, state and public interests, which natural monopolies generally meet. In

scientific research, also considered in the framework of this work, the attitude towards natural monopolies is not entirely unambiguous, although in general the legitimacy of their establishment is not denied, including taking into account the constitutional provisions. Nevertheless, the problem of scientific and theoretical foundations and regulation of natural monopolies is obvious. Many studies do not pay attention to obvious contradictions, although the provisions of Article 34 of the Constitution are cited in many works, including in the context of regulating the activities of natural monopolies. Taking into account the considered problems, the author proposes to amend the Constitution.

Keywords: natural monopolies, prohibition of monopolization, competition, constitutional prohibition, market principles

Введение

В ч. 2 ст. 34 Конституции РФ [13] продекларирован совершенно однозначный запрет монополизации, который, без сомнений, достоин поддержки и в рамках научно-теоретического анализа, и в рамках рассмотрения конкретных проблем правового регулирования экономики. Однако, развивая правовое регулирование отдельных аспектов функционирования отечественной экономики, законодатель от указанного конституционного принципа допускает некоторые отступления, выражаемые, в частности, в нормах Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [14] (далее - Закон № 147-ФЗ). Сам факт наличия указанного закона создает противоречие в правовом регулировании, которое, конечно же, является серьезной проблемой российской правовой системы и конституционализма, требующей решения.

Основная часть

Сначала имеет смысл более детально рассмотреть конституционные положения касательно проблематики монополизации. И упомянутая ранее ч. 2 ст. 34 Конституции в целом может характеризоваться как норма, содержащая комплексный запрет, распространяемый в том числе и на монополистическую

деятельность. В рамках приведенной нормы запрещается, во-первых, направленная на монополизацию деятельность, во-вторых, недобросовестная конкуренция. Это, как нам представляется, два принципиально разных, но связанных тесно друг с другом феномена. Если монополизация касается всего рынка или определённого его сегмента, то недобросовестная конкуренция в целом есть более ограниченный феномен. В то же время, учитывая запрет на деятельность, нацеленную на занятие монопольной позиции, монополизация может рассматриваться как проявление недобросовестной конкуренции. В этой связи указанный запрет неразрывно связан с государственной политикой, обеспечивающей функционирование рыночной экономики и конкуренцию в её рамках.

Нельзя не обратить внимание и на ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, где декларируется поддержка конкуренции. В этом контексте запрет монополизации может рассматриваться в качестве продолжения государственной политики в части поддержки конкуренции. Иными словами, запрещая монополизировать рынок, государство создаёт или, по крайней мере, стремится создать условия для конкуренции. Конечно же, в данном случае речь идёт, главным образом, о конкуренции в сфере предпринимательской деятельности (бизнеса). Безусловно, и некоторые другие нормы Конституции способствуют формированию конкуренции, однако их роль не является столь значимой.

В контексте запрета монополизации нельзя не подчеркнуть, что соответствующая линия государственной политики продолжается в рамках осуществления исполнительной власти. В этой связи совершенно справедливо Н.А. Галстян подчёркивает, что закономерным продолжением ст. 8 и 34 Конституции РФ стало создание государством антимонопольного органа [19, с. 147], призванного обеспечивать неукоснительное следование указанным нормам и соблюдению законодательства о защите конкуренции.

Несмотря на декларирование недопустимости монополизации, в России имеет место достаточно широкая сфера экономики, в пределах которой

создаются и функционируют субъекты так называемых естественных монополий. Поэтому обратимся к положениям Закона № 147-ФЗ, чтобы более внимательно некоторые из них проанализировать.

Изложенное становится особенно важным в связи с тем, что во многих исследованиях, где отражена проблематика конкуренции и (или) естественных монополий, либо не затрагивается, либо рассматривается лишь поверхностно противоречие, обусловленное наличием ч. 2 ст. 34 Конституции РФ. Например, в диссертации Н.А. Галстяна о естественных монополиях говорится мало в контексте защиты конкуренции, хотя сама диссертация посвящена именно проблеме конкуренции [19]. Другим интересным примером является статья А.В. Даниловской, где вопрос естественных монополий и вовсе обходится стороной, хотя в центре внимания автора стоит проблематика монополизации [20].

Итак, обратимся к ст. 3 Закона № 147-ФЗ. Там раскрывается понятие естественной монополии как состояния товарного рынка, где удовлетворение спроса эффективнее в отсутствии конкуренции в силу технологических особенностей, а товары не могут быть заменены другими товарами, в связи с чем спрос на товары субъектов естественных монополий в меньшей мере зависит от изменения цен, чем спрос на другие виды товаров. Думается, что данное определение вполне понятно отражает суть естественной монополии, особенно если её рассматривать в сугубо формальном, узком аспекте.

Во многом схожее определение естественной монополии предлагается и в научной литературе, в частности, в работе В.Н. Алтухова [17, с. 8].

Здесь нельзя не признать, что сам факт отнесения того или иного состояния рынка к естественной монополии, как и признание тех или иных субъектов экономической деятельности субъектами естественных монополий, в большей мере зависит не от естественного состояния рынка, а именно от воли государства, ведь именно оно законом устанавливает правила ведения экономической деятельности, как и условия для различных субъектов.

В контексте изложенного следует обратить внимание на ст. 4 Закона № 147-ФЗ, где приведён достаточно широкий перечень видов деятельности (сфер монополии), которые признаются таковыми де-юре. Среди них, в частности, транспортировка нефтепродуктов, газа, железнодорожные перевозки, услуги электроснабжения, теплоснабжения, водоснабжения. Примечательно, что содержание ст. 4 нередко пересматривалось и круг сфер естественных монополий расширялся. В этом смысле еще раз подчеркнем, что действительно ведущая роль в вопросах естественных монополий принадлежит именно государству.

В связи с изложенным, конечно, не может не возникать вопрос о том, насколько указанный Закон в целом и его отдельные положения отвечают конституционному запрету на осуществление монополистической деятельности. В этой связи нужно учитывать не только конституционные положения о запрете монополизации, но и нормы, призванные обеспечить баланс общественных, частных и государственных интересов, социальную ориентированность государства.

Также важны и отдельные положения указанного Закона, в том числе ст. 1, где провозглашаются его цели, а именно направленность на достижение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий. Думается, что указанные цели в полной мере отвечают конституционным идеям, которые в разных формулировках зафиксированы в Основном Законе страны.

Нельзя обойти вниманием и Федеральный закон «О защите конкуренции» [135-ФЗ], где предусматриваются исключения применительно к субъектам естественных монополий. В этом смысле правовое регулирование и защита конкуренции находятся в неразрывной связи с правовым регулированием деятельности субъектов естественных монополий. И в некотором смысле допущение монополистической деятельности именно применительно к субъектам естественных монополий является одним из вопросов защиты конкуренции. Поэтому можно говорить о том, что допущение естественных

монополий является одним из редких исключений, которые законодатель ввёл в контексте защиты конкуренции.

Поэтому было бы ошибкой утверждать, что существование естественных монополий, обеспечиваемое на уровне федерального закона, во всех аспектах прямо противоречит Конституции. Конечно, определённое противоречие усматривается, если руководствоваться только положениями ст. 34 Конституции. Однако некоторые другие конституционные нормы создание естественных монополий оправдывают. Например, конституционные положения, провозглашающие Россию в качестве социального государства, однозначно наделяют органы власти правом создания определённых условий для того, чтобы принцип справедливости и социальной поддержки населения реализовывался в полной мере. В этом смысле создание естественных монополий в полной мере отвечает соблюдению указанного конституционного принципа. В науке на данный принцип ссылаются, например, И.В. Тюленев, обосновывая конституционность естественных монополий [22, с. 110].

Идеи создания естественных монополий во многом обусловлены и самой спецификой рыночных механизмов, ведь, как справедливо подчёркивает И.В. Тюленев, такие механизмы по своей сути не предназначены для того, чтобы обеспечивать достойную жизнь и благосостояние каждого конкретного гражданина и общества в целом [22, с. 112]. С этим мнением считаем возможным согласиться. Изложенное, однако, не означает, что указанным автором или нами отрицается значимость рыночных принципов свободы и защиты конкуренции, которые в целом естественны для человека и общества. Свобода с конкуренцией крайне необходимы. Сказанное скорее обосновывает позицию, исходя из которой свободного рынка недостаточно для того, чтобы общество имело необходимую свободу и благосостояние. В этом смысле создание естественных монополий можно считать инструментом, который отчасти нивелирует негативные эффекты рыночной экономики.

Говоря об обоснованности создания сферы естественных монополий, нельзя не обратить внимание на иные цели, среди которых декларируется, в частности, стабилизация ситуации в экономике, стимулирование производства в государственных масштабах, ресурсное обеспечение, содействие повышению благосостояния экономики в целом и отдельных регионов [17, с. 9]. Конечно, цели естественных монополий могут быть выделены и иные, в том числе обусловленные спецификой каждого отдельного направления, в пределах которого они создаются и развиваются.

Признавая конституционность естественных монополий, их полную юридическую обоснованность, нельзя согласиться с некоторыми авторами, которые отрицают наличие противоречий между конституционным запретом на монополизацию и естественными монополиями, урегулированными соответствующим Федеральным законом [18, с. 110]. В этой связи даже ставить вопрос конкурентоспособности естественной монополии не представляется уместным. Думается, что таковая зависит исключительно от воли государства, которое наделяет её определёнными преимуществами именно на законодательном уровне, способствуя укреплению позиций.

Нет смысла ставить и вопрос о том, насколько естественная монополия является эффективной с точки зрения рынка, ведь ключевым становится условие о достижении определённых значимых целей для общества и государства, которые не всегда могут отвечать целям развития рынка.

В то же время негативная оценка монополистической деятельности имеет под собой все основания, поскольку такая деятельность способствует снижению экономической эффективности, а зачастую и негативно влияет на благосостояние общества [16]. Но в отдельных аспектах именно монополистическая деятельность представляется более оптимальным вариантом, конечно, при условии жёсткого регулирования и контроля со стороны государства или уполномоченных им структур.

Здесь нельзя не подчеркнуть, что сфера конкуренции государством в большей мере регламентируется путём нормативного установления разного рода ограничений и запретов [18, с. 104]. Изложенное в полной мере касается и монополизации, запрещаемой Конституцией. Однако допущение образования естественных монополий в Конституции не упоминается, к сожалению, хотя это следовало бы сделать.

Также стоит отметить, что в целом регулирование фундаментальных основ рыночной экономики призвано обеспечить определённый баланс интересов участников рынка и защитить традиционную для рынка конкурентную среду, что отмечает, например, Н.Ю. Свитыч в своей диссертации. Одновременно с этим она упоминает в числе основ регулирования данной сферы конституционный запрет монополизации и государственную поддержку конкуренции, причём никоим образом не затрагивает вопроса, так или иначе касающегося противоречий между существованием естественных монополий и запретом монополистической деятельности [21, с. 26].

Сами рыночные монополии, являясь одновременно и правовым, и экономическим феноменом, могут быть классифицированы по разным признакам, например, по эффекту масштаба, неэластичному спросу, барьерам входа на рынок, доступу к природным ресурсам, сетевой инфраструктуре [21, с. 29]. Исходя из этого обосновывается и установление в рамках той или иной сферы экономики и естественной монополии. В этом смысле формирование естественной монополии имеет некоторые объективные начала. Поэтому однозначно ставить под сомнение естественный характер рассматриваемых монополий было бы, по меньшей мере, необоснованно.

Заключение

Федеральный закон «О естественных монополиях» в полной мере отвечает Конституции, поскольку сама возможность деятельности субъектов естественных монополий нацелена на защиту конституционных ценностей, а противоречие указанного Закона конституционному запрету монополизации

усматривается лишь на первый взгляд, если руководствоваться исключительно положениями ч. 2 ст. 34 Конституции. Однако, если учитывать иные нормы Конституции, призванные обеспечить баланс общественных, частных государственных интересов, благосостояние населения, социальную ориентированность государства, то практика установления естественных монополий в полной мере конституционна. Но сказанное не означает, что нормы Конституции в части регулирования рыночной экономики совершенны. В этом плане он нуждаются в дополнении, и с учётом сделанного вывода предлагается внести в ст. 34 Конституции РФ часть 3, изложив её в следующей редакции: «3. В исключительных случаях на основании федерального закона для поддержания баланса частных и общественных интересов, обеспечения благосостояния населения и социальной справедливости может быть предусмотрена деятельность субъектов естественных монополий.»

Список литературы

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
14. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ, 1995. № 34. Ст. 3426.
15. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.
16. Абдувалиева К.У. Некоторые проблемы правового регулирования естественных монополий в России // Молодой ученый. 2022. № 37 (432). С. 69-71.
17. Алтухов В.Н. Понятие естественной монополии: теоретико-правовой аспект // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2021. № 4(100). С. 7-9.

18. Васильева Е.М., Васильев В.Б. Российские естественные монополии и федеральные законы // Экономическая наука современной России. 2016. № 4 (75). С. 100-112.
19. Галстян Н.А. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 283 с.
20. Даниловская А.В. К вопросу о понятии монополизации и ее запрета // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. № 2(112). С. 102-107.
21. Свитыч Н.Ю. Тенденции регулирования рынков естественных монополий: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2017. 267 с.
22. Тюленев И.В. Основы правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 9 (37). С. 107-115.

References

13. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
14. Federal'nyj zakon ot 17.08.1995 № 147-FZ (red. ot 08.08.2024) «O estestvennyx monopolijax» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 1995. № 34. St. 3426.
15. Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ (red. ot 24.06.2025) «O zashhite konkurencii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (ch. I). St. 3434.
16. Abduvalieva K.U. Nekotory'e problemy' pravovogo regulirovaniya estestvennyx monopolij v Rossii // Molodoj uchenyj. 2022. № 37 (432). S. 69-71.
17. Altuxov V.N. Ponyatie estestvennoj monopolii: teoretiko-pravovoj aspekt // Yuridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta. 2021. № 4(100). S. 7-9.
18. Vasil'eva E.M., Vasil'ev V.B. Rossijskie estestvenny'e monopolii i federal'ny'e zakony' // E'konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2016. № 4 (75). S. 100-112.

19. Galstyan N.A. Konstitucionno-pravovy'e osnovy` konkurencii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2024. 283 s.
20. Danilovskaya A.V. K voprosu o ponyatii monopolizacii i ee zapreta // Vestnik Xabarovskogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i prava. 2023. № 2(112). S. 102-107.
21. Svity`ch N.Yu. Tendencii regulirovaniya ry`nkov estestvenny`x monopolij: dis. ... kand. e`kon. nauk. Novosibirsk, 2017. 267 s.
22. Tyulenev I.V. Osnovy` pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti sub``ektov estestvenny`x monopolij // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2017. № 9 (37). S. 107-115.

Научная статья

УДК 342

О ТРУДНОСТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

**Самараратне Динеша, доктор наук, профессор публичного и
международного права, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка,
dinesha_s.lk@mail.ru**

Аннотация

Исследование посвящено трудностям преодоления обвинительного уклона судебных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Сама проблема в статье обосновывается нормами КоАП РФ, судебной практикой и результатами научных трудов, в том числе опирающихся на статистику и социологические опросы. Причём указанная проблема сохраняет дискуссионный характер, поскольку не все исследователи признают её наличие. Автором представляются аргументы и одной, и другой сторон, но поддерживаются именно взгляды, обосновывающие наличие обвинительного уклона и необходимость отказа от практики его использования. В рамках раскрытия темы приводятся некоторые материалы судебной практики, в том числе практики Верховного Суда РФ, отмечается наличие случаев игнорирования судами нижестоящих инстанций явных нарушений, допущенных при составлении протоколов об административных правонарушениях. Рассмотрена проблема типичных установок и их роли в аргументации обвинительной позиции суда, в том числе установки об «отсутствии оснований не доверять должностному лицу». В ходе подведения итогов сформулирован общий вывод о проблеме обвинительного уклона и предложены некоторые направления, в которых может совершенствоваться действующее законодательство и судебная практика.

Ключевые слова: административная ответственность, КоАП РФ, обвинительный уклон, презумпция невиновности, принцип состязательности, проблемы правосудия, производство по делам об административных правонарушениях

Статья поступила в редакцию 22.07.2025, одобрена после рецензирования 17.09.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

ON THE DIFFICULTIES OF OVERCOMING THE ACCUSATORY BIAS OF JUDICIAL AUTHORITIES IN THE CONSIDERATION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

**Samararatne Dinesha, PhD, Professor of Public and International Law,
University of Colombo, Colombo, Sri Lanka**

Abstract

The study is devoted to the difficulties of overcoming the accusatory bias of judicial authorities when considering cases of administrative offenses. The problem itself is justified in the article by the norms of the Administrative Code of the Russian Federation, judicial practice and the results of scientific works, including those based on statistics and opinion polls. Moreover, this problem remains controversial, since not all researchers recognize its existence. The author presents the arguments of both sides, but supports precisely the views that justify the existence of an accusatory bias and the need to abandon the practice of its use. As part of the disclosure of the topic, some materials of judicial practice are presented, including the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and there are cases of disregard by courts of lower instances of obvious violations committed during the preparation of protocols on administrative offenses. The problem of typical attitudes and their role in the argumentation of the accusatory position of the court, including the attitude about the "absence of grounds to distrust an official", is considered. In the course of summing up, a general conclusion

was formulated about the problem of accusatory bias and some areas in which current legislation and judicial practice can be improved were proposed.

Keywords: administrative responsibility, Administrative Code of the Russian Federation, accusatory bias, presumption of innocence, adversarial principle, problems of justice, proceedings in cases of administrative offenses

Введение

В практике судебных органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, отчётливо прослеживается обвинительный уклон, что нередко отмечается в научной литературе [11] и публикациях практикующих юристов, специализирующихся на защите граждан по указанной категории дел [7]. В то же время законодатель в КоАП РФ [1] декларирует принцип презумпции невиновности. Эти обстоятельства проявляют наличие значимого противоречия в сфере реализации государственной политики, нацеленной на борьбу с административными правонарушениями и обеспечения конституционной законности и правопорядка. Изучение трудностей преодоления обвинительного уклона в указанной сфере судопроизводства представляется чрезвычайно важным, что актуализирует выбор настоящей темы для исследования.

Основная часть

Затрагивая вопрос обвинительного уклона, в первоочередном порядке следует обратиться к ст. 1.5 КоАП РФ, раскрывающей нормативный смысл презумпции невиновности именно применительно к разбирательствам по делам об административных правонарушениях. Исходя из этого принципа, привлечение к административной ответственности допускается лишь за конкретные правонарушения, в совершении которых субъект признан виновным. Соответственно, пока вина субъекта не доказана, он считается невиновным, о чем также говорится в указанной статье. Факт признания лица

виновным при этом связывается с вступлением в законную силу соответствующего акт уполномоченного органа, должностного лица, судьи.

Рассматриваемый принцип также предполагает и отсутствие у субъекта, преследуемого в административном порядке, какой-либо обязанности доказывать собственную невиновность, о чем говорится в ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ. Однако, той же нормой упоминается об исключениях, оговоренных в примечании к рассматриваемой статье (к ним стоит вернуться позднее).

Интересно, что ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ предписывает трактовать неустранимые сомнения в виновности лица именно в его пользу. То есть любое сомнение в виновности де-юре есть доказательство невиновности лица.

Анализируемый принцип, без сомнения, является особо значимым и во многом отражает те идеи законности и справедливости, которые должны пронизывать любой источник законодательства и правовую систему в целом, особенно в части регулирования юридической ответственности. Более того, использование принципа презумпции невиновности в некоторых иных отраслях права, прежде всего в рамках уголовного права, отражает не только его незыблемый характер, но и межотраслевую природу. В этом смысле он составляет основу правосудия. И очевидно, что данный принцип призван исключить произвол со стороны субъектов, наделённых публичной властью, в чем состоит и суть самой демократии.

Но представление о рассматриваемом принципе определённо меняет примечание к ст. 1.5 КоАП РФ, содержащее широкий круг правонарушений, которые предполагают обязанность обвиняемого лица доказывать свою невиновность при рассмотрении в отношении него дела. Иначе говоря, указанное примечание во взаимодействии с ч. 3 ст. 1.5 предусматривает презумпцию вины, но именно применительно к делам о некоторых категориях административных правонарушений. Речь идёт, в частности, о нарушениях экологического законодательства и нарушениях области дорожного движения. И здесь следует отметить, что с момента внесения в указанную статью примечания в 2007 г., оно

неоднократно пересматривалось в сторону расширения перечня категорий нарушений, исключающих необходимость доказывания вины. Поэтому можно сделать вполне закономерный вывод о том, что презумпция невиновности в рамках российского законодательства об административных правонарушениях действует лишь ограниченно, в отличие, например, от презумпции невиновности, предусмотренной нормами уголовного законодательства.

Конечно, можно спорить по поводу обоснованности или необоснованности такого рода исключений из анализируемого принципа. Однако сам факт его жёсткой ограниченности сомнению не подлежит. Это означает наличие некоторого обвинительного уклона в российской правовой политике в области регулирования административной ответственности.

Что же касается практики судов, в том числе и связанной с рассмотрением дел, где принцип презумпции невиновности действует де-юре, то она в значительной степени сохраняет обвинительный характер. По-нашему мнению, среди причин такой практики можно выделить и наличие у законодателя сомнений в важности самого принципа презумпции невиновности.

Позиция, характеризующая сложившуюся практику как имеющую обвинительный характер, была бы голословной, если бы не опиралась на конкретные материалы рассмотрения дел об административных правонарушениях и опыт практикующих адвокатов. Поэтому целесообразно привести в пример опыт адвоката А. Липатникова, в деятельности которого имел место случай защиты гражданина Д., в отношении которого было возбуждено дело об административном правонарушении по факту отказа от медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В ходе судебных разбирательств был выяснен ряд обстоятельств, в том числе отсутствие в материалах дела записей об участии конкретных понятых, а сам протокол об административном правонарушении, по словам адвоката, был заполнен лишь частично, не более чем на 5%. Отсутствовала и подпись гражданина Д., привлекаемого к

ответственности. По его словам, в протокол в его присутствии не составлялся, для ознакомления ему не представлялся.

Боле того, в деле были и некоторые обстоятельства, осложнявшие возможности для защиты по нему. Поскольку само деяние, вменявшееся гражданину Д., произошло на пересечении границ г. Москвы и Московской обл., материалы дела направляли то в г. Москву, то в область. Все же дело было принято к производству мировым судьей, но возвращено в ГИБДД в целях устранения недостатков, выражавшихся именно в незаполненном протоколе. Другим существенным обстоятельством было наличие многочисленных исправлений и удаления из дела некоторых материалов. Адвокат в этой связи указывал на несоответствие протокола, как доказательства, критерию допустимости. Тем не менее в отношении гражданина Д. мировым судьей в г. Москве дело было рассмотрено и назначена мера ответственности в виде лишения права управления транспортом, а также штрафа. Примечательно, что в постановлении о несоответствии протокола об административном правонарушении установленным законом требованиям ничего сказано не было. Мосгорсудом дело было пересмотрено и отмечено наличие весьма грубых нарушений, в том числе необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства о допросе понятых. Было усмотрено и нарушение принципа презумпции невиновности, а также некоторых иных положений КоАП РФ, предписывающих рассматривать дело исходя из принципа полноты, объективности и всесторонности выяснения обстоятельств. Итогом стало прекращение дела ввиду недоказанности факта правонарушения [7]. И это лишь один из многих случаев проявления обвинительного уклона при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что превалирование обвинительного уклона присуще не только практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, но и практике рассмотрения уголовных дел, на что обращает внимание, в частности, С.Б. Россинский [9]. Причём

наличие такой практики он связывает не столько с работой судов, сколько с работой органов прокуратуры. Поэтому обвинительный уклон является проблемой не только производства по делам об административных правонарушениях; это проблемой, носящей межотраслевой или даже общеправовой характер.

Сохранению указанной проблемы в рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях во многом способствует сам подход, характеризующийся чрезвычайно поверхностным изучением обстоятельств нарушений и подтверждающих их доказательств. Соответствующий вывод можно сделать, обратившись, например, к Решению Замоскворецкого районного суда г. Москвы, принятому по результатам рассмотрения жалобы гражданина Т. на постановление инспектора ДПС, где в обосновании обвинения были приведены лишь выдержки из соответствующих статей КоАП РФ, Правил дорожного движения и описание самого нарушения. При этом с определённым формализмом было указано на наличие доказательств и отсутствие сомнений в их достаточности, допустимости и пр. Не было конкретизировано, о каких именно доказательствах идёт речь, оспаривает ли их сам гражданин Т. [5].

Московский городской суд в этом случае каких-то нарушений не усмотрел, оставив решение в силе. Причём им была подчеркнута подтвержденность вины Т. именно постановлением по делу об административном правонарушении, а также фотоприложением. Более того, отмечена недоказанность утверждения гражданина Т. об отсутствии доказательств нарушения и о недоказанности вины [4].

Не подвергая указанные судебные акты сомнению с точки зрения соответствия их действующему законодательству, отметим формальный подход к рассмотрению дела, отсутствие упоминаний о конкретных доказательствах стороны обвинения, отсутствие указания на доказательства и аргументы самого лица, привлекаемого к ответственности.

Нельзя не подчеркнуть, что наличие обвинительного уклона как в целом применительно к российской судебной системе, так и применительно к производству по делам об административном правонарушении, признают многие практикующие специалисты, причём представляющие не только адвокатское сообщество, но и те органы, которые уполномочены решать вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности. В этой связи И.В. Волкова в своей диссертации приводит данные социологического исследования, исходя из которых подавляющее большинство адвокатов и юристов признает, что при рассмотрении значительной доли дел об административных правонарушениях имеются отклонения от идеи презумпции невиновности. Более того, и представители судейского сообщества обвинительный уклон зачастую тоже не отрицают, однако публично заявлять об этом в силу должностного положения и обязательств они не могут. Однако это делают судьи в отставке. К примеру, С.А. Пашин признает наличие обвинительного уклона, усматривая в этом вполне объективные причины, среди которых отмечает ведомственную специфику оценки работы судей, а также отсутствие реальной самостоятельности [6, с. 98-99]. А.П. Трунов, являющийся судьей в отставке, тоже подчеркивает остроту рассматриваемой проблемы [10], и именно применительно к отечественному правосудию в целом.

В то же время проблема обвинительного уклона не является столь однозначной, какой представляется не первый взгляд. По поводу неё по-прежнему ведутся дискуссии [10, с. 123]. Специалисты, признающие обвинительный уклон и негативно его характеризующие, обосновывают свою позицию, прежде всего, статистическими данными, исходя из которых, результатом судебного рассмотрения более 95% дел об административных правонарушениях является привлечение к ответственности [6, с. 101]. С такой позицией, конечно, сложно спорить, учитывая объективный характер аргументов, которые её подтверждают.

Но есть и авторы, которые наличие обвинительного уклона отрицают либо объясняют его вполне «уважительными» причинами, какими-то факторами, исключаящими его негативную оценку. Например, одна из таких причин связывается с тем, что на рассмотрение в суд дела поступают лишь после максимально тщательного рассмотрения, имеющие надёжную доказательственную базу обвинения [6, с 101]. Такая позиция тоже представляется обоснованной, однако её обоснование видится нам менее убедительным.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые в контексте рассмотрения обвинительного уклона подчёркивают чрезвычайно широкую распространённость определённых типичных установок, исходя из которых судьи мыслят и рассматривают основную массу дел. Например, нередко в судебных актах встречается аргумент, что «нет оснований не доверять должностному лицу» [6, с. 101]. Его удобно использовать в случаях, когда обвиняющие доказательства ставятся под сомнение и перед судьёй возникает вопрос о том, чью именно позицию принять – должностного лица, рассматривавшего дело и составившего соответствующий протокол, либо субъекта, привлекаемого к административной ответственности.

Указанная проблема становится особенно важной в тех ситуациях, когда протокол по делу об административном правонарушении становится единственным существенным доказательством обвинения. Такие случаи не являются редкостью. Причём нарушения, допущенные при составлении протокола и являющиеся очевидными, зачастую судом игнорируются, а обвинительная позиция суда аргументируется тем, что «в деле имеются и другие доказательства» [8].

В практике российских судов имеют место и случаи, когда явные недостатки, допущенные при составлении протокола, суд формально признавал, но это не влияло на решение вопроса о привлечении к ответственности. Например, в рамках рассмотрения одного из дел Краснодарский краевой суд

счёл, что протокол является недопустимым доказательством. Однако такой вывод не стал основанием для прекращения административного преследования гражданина. Верховный Суд РФ выразил другую позицию, придя к выводу, что факт признания протокола недопустимым доказательством должен влечь и прекращение производства по делу [3].

В обосновании своей позиции Верховный Суд сослался на Постановление Пленума от 24.03,2005 № 5 [2], в п. 4 которого акцентировано внимание на необходимости установления обстоятельств, касающихся правильности составления протокола об административном правонарушении именно с точки зрения полноты, самих сведений и соблюдения процедуры. При этом в указанном Постановлении Пленума были выделены и недостатки соответствующего протокола, расцениваемые как существенные и как несущественные. В этой связи надо сказать, что Пленум, по сути, отчасти устранил законодательный пробел в регулировании вопросов судебной оценки протокола об административном правонарушении.

В контексте изложенной проблемы безусловного внимания заслуживает позиция С.В. Щепалова, который полагает, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях в целом используются методики, не свойственные правосудию. Более того, по его мнению, административная юрисдикция базируется на обвинительной модели, и именно это превращает сам процесс в следственный, а не состязательный [11]. Такая позиция не лишена обоснования. Однако законодатель, как нам представляется, предпринял немало усилий, чтобы принцип презумпции невиновности и в рамках рассматриваемого процесса соблюдался неукоснительно. Хотя этих усилий явно недостаточно.

Заключение

Есть основания для вывода о наличии явного обвинительного уклона, и он видится существенной проблемой и правосудия в целом, и судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Одной из важнейших мер, которые могут быть предприняты, видится усиление ответственности за грубые нарушения, влекущие привлечение к административной ответственности на основании протоколов, не содержащих обязательных элементов, в том числе указания на понятых, их подписей и пр. Однако этот вопрос в большей мере касается не административного, а уголовного права, а потому в настоящей статье детализировать его не представляется необходимым.

Другой мерой может быть пересмотр подхода к регламентации принципа презумпции невиновности в ст. 1.5 КоАП РФ. Полагаем, что положения данной статьи, допускающие исключения из указанного принципа при рассмотрении дел об отдельных категориях нарушений, а именно содержащуюся в ч. 3 ст. 1.5 оговорку и примечание к указанной статье, все же следует исключить и признать необходимым установление вины в каждом случае привлечения к ответственности.

Целесообразно также отказаться от практики использования в качестве стандартного аргумента формулировки от отсутствия оснований не доверять должностному лицу, составившему протокол. Соответствующие разъяснения мог бы дать Верховный Суд РФ путем внесения дополнений в Постановление Пленума от 24.03.2005 № 5.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2019 № 18-АД19-64 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Московского городского суда от 19.06.2024 по делу № 7-9568/2024 (УИД 77RS0007-02-2023-017232-04) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/fc0a6800-0d06-11ef-9805-096f48342bb5>
5. Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 27.11.2023 № 12-1812/2023 по делу № 7-9568/2024 (УИД 77RS0007-02-2023-017232-04) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/fc0a6800-0d06-11ef-9805-096f48342bb5>
6. Волкова И.В. Презумпция невиновности в административно-деликтном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2024. 251 с.
7. Липатников А. Презумпция виновности водителя // Адвокатская газета: официальный сайт. 18.09.2017. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumptsiya-vinovnosti-voditelya/>
8. Нагорная М. ВС: Признание административного протокола недопустимым доказательством влечет прекращение производства по делу // Адвокатская газета: официальный сайт. 22.01.2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-priznanie-administrativnogo-protokola-nedopustimym-dokazatelstvom-vlechet-prekrashchenie-proizvodstva-po-delu/>
9. Россинский С.Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 191–199.
10. Трунов А.П. Преодоление обвинительного уклона российского правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6. С. 122–132.

11. Щепалов С.В. Теоретический разбор проблемы «обвинительного уклона» судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 59–65.

References

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
2. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 24.03.2005 № 5 (red. ot 23.12.2021) «O nekotory`x voprosax, vznikayushhix u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Postanovlenie Verxovnogo Suda RF ot 08.11.2019 № 18-AD19-64 // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 19.06.2024 po delu № 7-9568/2024 (UID 77RS0007-02-2023-017232-04) // Oficial`ny`j portal sudov obshhej yurisdikcii g. Moskvyy`. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/fc0a6800-0d06-11ef-9805-096f48342bb5>
5. Reshenie Zamoskvoreczkogo rajonnogo suda g. Moskvyy` ot 27.11.2023 № 12-1812/2023 po delu № 7-9568/2024 (UID 77RS0007-02-2023-017232-04) // Oficial`ny`j portal sudov obshhej yurisdikcii g. Moskvyy`. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/fc0a6800-0d06-11ef-9805-096f48342bb5>
6. Volkova I.V. Prezumpciya nevinovnosti v administrativno-deliktnom zakonodatel`stve: dis. ... kand. jurid. nauk. Xabarovsk, 2024. 251 s.
7. Lipatnikov A. Prezumpciya vinovnosti voditelya // Advokatskaya gazeta: oficial`ny`j sajt. 18.09.2017. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumpsiya-vinovnosti-voditelya/>

8. Nagornaya M. VS: Priznanie administrativnogo protokola nedopustimy`m dokazatel`stvom vlechet prekrashhenie proizvodstva po delu // Advokatskaya gazeta: oficial`ny`j sajt. 22.01.2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-priznanie-administrativnogo-protokola-nedopustimym-dokazatelstvom-vlechet-prekrashchenie-proizvodstva-po-delu/>
9. Rossinskij S.B. Prichiny` prevrashheniya obvinitel`nogo zaklyucheniya v «avtoreferat» sledstvennogo proizvodstva // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18, № 2. S. 191–199.
10. Trunov A.P. Preodolenie obvinitel`nogo uklona rossijskogo pravosudiya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. T. 17, № 6. S. 122–132.
11. Shhepalov S.V. Teoreticheskij razbor problemy` «obvinitel`nogo uklona» sud`i, rassmatrivayushhego delo ob administrativnom pravonarushenii // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 1. S. 59–65.

Научная статья

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ: ФОРМАЛЬНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

**Несса Джасмин Джохурун, PhD, научный сотрудник по международному праву, Университет Бристоля, Бристоль, Великобритания,
jnnessaintl@outlook.com**

Аннотация

В статье рассмотрены формальный и содержательный аспекты объективности в контексте проблем гражданского судопроизводства. Нормативная основа, изученная в ходе исследования, свидетельствует об урегулированности формального аспекта, хотя в нём имеются некоторые недостатки, в том числе отсутствие упоминания об объективности в конституционных нормах, определяющих принципы правосудия. Содержательный аспект остаётся практически не урегулированным, рассматриваемый принцип в законодательстве не раскрывается, хотя некоторые элементы, представленные в данной статье, получили законодательную конкретизацию. В доктринальных источниках, как и в материалах судебной практики, принцип объективности упоминается как один из важнейших, хотя его содержание остаётся не вполне ясным, на что указывается в данной работе. Объективность определённо ограничивается возможностями суда принимать те или иные решения по собственному усмотрению. Поэтому делаются выводы о том, что обеспечение объективности должно идти именно по пути ограничения возможностей принимать решения по усмотрению суда. Также обосновывается мнение о необходимости упоминания указанного принципа среди иных принципов правосудия в конституционных нормах. Излагаются авторские взгляды на некоторые иные аспекты принципа объективности.

Ключевые слова: внутреннее убеждение судьи, ГПК РФ, гражданское судопроизводство, принцип объективности, принципы судопроизводства, субъективизм, усмотрение судьи

Статья поступила в редакцию 18.06.2025, одобрена после рецензирования 20.08.2025, принята к публикации 21.11.2025.

Original article

PROBLEMS OF ENSURING THE OBJECTIVITY OF CIVIL PROCEEDINGS: FORMAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS

Nessa Jasmin Johurun, PhD, Research Fellow in International Law, University of Bristol, Bristol, UK

Abstract

The article examines the formal and substantive aspects of objectivity in the context of the problems of civil proceedings. The normative framework studied in the course of the study indicates that the formal aspect is regulated, although it has some drawbacks, including the lack of mention of objectivity in the constitutional norms defining the principles of justice. The substantive aspect remains practically unresolved, the principle in question is not disclosed in the legislation, although some of the elements presented in this article have received legislative specification. In doctrinal sources, as well as in the materials of judicial practice, the principle of objectivity is mentioned as one of the most important, although its content remains unclear, as indicated in this work. Objectivity is definitely limited by the court's ability to make certain decisions at its own discretion. Therefore, it is concluded that ensuring objectivity should follow the path of limiting the ability to make decisions at the discretion of the court. The opinion is also substantiated on the need to mention this principle among other principles of justice in constitutional norms. The author's views on some other aspects of the principle of objectivity are presented.

Keywords: judge's inner conviction, Civil Procedure Code of the Russian Federation, civil proceedings, the principle of objectivity, principles of judicial proceedings, subjectivism, discretion of the judge

Введение

Проблематика обеспечения объективности разбирательства по гражданским делам не является новой для отечественного права. На протяжении многих лет она остаётся предметом острых научных дискуссий. Помимо того, дискуссии ведутся и среди практикующих специалистов, и в органах власти, занимающихся законотворчеством. Тем не менее, в целом она продолжает оставаться нерешённой, вызывая обоснованный интерес.

Получив закрепление в ГПК РФ [15], принцип объективности не в полной мере реализуется на практике, а потому как сама правоприменительная практика, так и законодательство в этой области правоотношений, должны пристально анализироваться и совершенствоваться. Некоторый вклад в решение этой проблемы призвана внести данная статья.

Основная часть

Де-юре анализируемый принцип прямо или косвенно отражён во многих нормах законодательства, в том числе в ГПК РФ. В первую очередь стоит сказать о ч. 2 ст. 12, где обязанность суда сохранять объективность упоминается наряду с такими принципами, как независимость и беспристрастность. Причём речь идёт именно о гражданском процессе в целом и касается таких аспектов, как руководство гражданским процессом, разъяснение участникам дела их прав и обязанностей, предупреждение о последствиях совершения (несовершения) процессуальных действий, оказание участникам содействия в реализации их прав, обеспечение надлежащих условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установление обстоятельств, имеющих значение для дела; в конечном итоге объективность должна обеспечиваться в целом при разрешении дела.

Особая роль объективности в контексте гражданского процесса отражена в ст. 16 ГПК РФ, которая в качестве основания для отвода судьи предусматривает наличие обстоятельств, свидетельствующих о его прямой, личной, косвенной заинтересованности в исходе дела, и вообще порождающие сомнения в его объективности, беспристрастности.

Если ориентироваться на указанную норму, то объективность означает, что судья на собственные интересы не ориентируется, а руководствуются исключительно нормой закона. В этом смысле, в идеале, ему должно быть абсолютно безразлично, чем именно завершится дело, если его рассмотрение соответствует закону. Иначе говоря, дело не должно рассматриваться через призму интересов судьи.

Принцип объективности декларируется и, например, в ст. 67 ГПК РФ применительно к процедуре оценки доказательств. Примечательно, что в указанной норме закрепление принципа объективности соседствует с закреплением определённых субъективных начал. С одной стороны, исследование доказательств должно быть объективным, также полным и всесторонним; с другой стороны, суд правомочен руководствоваться своим внутренним убеждением, в чем и заключается субъективная составляющая.

Однако стоит обратить внимание на важный нюанс: субъективное убеждение, по мнению законодателей, должно базироваться именно на объективном исследовании доказательств. Иначе говоря, сначала изучаются обстоятельства и доказательства объективно, в том виде, в каком они есть, а далее дается их оценка на основе внутреннего убеждения.

Законодатель предписывает придерживаться принципа объективности и в некоторых иных ситуациях. Например, абз. 2 ч. 6 ст. 112 ГПК РФ, допуская возможность обжалования судебного акта в случае пропуска процессуального срока, тоже требует ориентироваться на принцип объективности: в исключительных случаях признавать причину пропуска процессуального срока уважительной допустимо лишь при условии, что возможность подачи

кассационной, надзорной жалобы исключалась именно по объективным причинам (тяжелое заболевание, беспомощное состояние и пр.). Представленные обстоятельства, таким образом, свидетельствуют о том, что объективность разбирательства фактически оказывается существенно более широким понятием, нежели представляется на первый взгляд.

Примечательно, что в нормах законодательства о судебной системе [14] принцип объективности, на котором должна базироваться данная система, не упоминается; в то же время указанный принцип упоминается в рамках регламентации статуса судей [16].

К сожалению, на уровне федерального законодательства суть принципа объективности не конкретизируется ни в целом применительно к деятельности судей, ни в контексте гражданского судопроизводства.

Не может остаться без внимания и другое обстоятельство: Конституция РФ [13], закрепляющая в ст. 123 базовые принципы судопроизводства, в том числе состязательность и равноправие, тем не менее, не упоминает принцип объективности, в чем видится его недооценка и одна из причин, по которым данный принцип не раскрывается содержательно в нормах федерального законодательства.

К.А. Ширяева связывает принцип объективности с установлением всех необходимых фактических обстоятельств и принятием на этой основе обоснованного и справедливого решения. Причём акцент делается на трех компонентах: деятельности беспристрастного суда, добросовестности участников дела и результатах соответствующей деятельности [23, с. 9]. То есть анализируемый принцип понимается предельно широко, причём не только применительно к самому суду и выступающим от его имени судьям, но и применительно к иным субъектам, не имеющим каких-либо судебных полномочий. Сложно сказать, насколько такой подход оправдан. Думается, он чрезмерно широк и его вряд ли возможно применять в рамках правового регулирования судопроизводства в целом и гражданского судопроизводства в

частности. С нашей точки зрения, данный принцип должен касаться исключительно суда. В то же время объективность иных субъектов, в том числе эксперта, участников судопроизводства и прочих лиц суд может и должен оценивать.

Объективность суда указанным автором раскрывается также с учетом двух составляющих, а именно формальной и содержательной. Первая касается именно соблюдения процессуального аспекта, в то время как последняя связана с установлением фактических обстоятельств [23, с. 10].

Учитывая, что принцип объективности указанным автором рассматривается также с позиций справедливости, полноты и некоторых иных принципов, то есть возможность говорить о комплексности самого феномена объективности и его неотделимости от иных принципов гражданского процесса.

Суть объективности выражается и в том, что она рассматривается как некоторая действительность, воспроизводимая при помощи установления фактических обстоятельств в рамках конкретного дела. Это и определённый фрагмент реальности, которая имела место в прошлом, и который восстанавливается в ходе мыслительной деятельности для применения к фактическим обстоятельствам юридической квалификации [23, с 40]. То есть объективность может рассматриваться как характеристика определённой деятельности, направленной на познание прошлого.

К.А. Ширяевой при этом отрицается допустимость использования понятия «объективное судебное разбирательство», а вместо этого предлагается употреблять понятие «объективность судебного разбирательства». Такой взгляд на проблематику объективности аргументируется тем, что само по себе судебное разбирательство зависит от участников процесса, которыми выступают участвующие в деле лица и суд, они в той или иной степени субъективны, и от их субъективных взглядов многое зависит [23, с. 41-42]. Уже это означает невозможность характеризовать судебное разбирательство как объективное. Вместе с тем, «объективность судебного разбирательства», по мнению

указанного автора, уместна, и должна рассматриваться как некоторая юридическая характеристика такого разбирательства.

Изложенное даёт повод для умозаключения о том, что сама объективность, как некий принцип, существенно ограничена именно субъективной ролью суда и участвующих в деле лиц.

В контексте объективности стоит затронуть вопрос истины, которая применительно к проблематике правосудия, в том числе гражданского правосудия, зачастую наделяется и характеристикой объективности, в связи с чем в литературе нередко говорится о проблемах достижения объективной истины в судебном разбирательстве. Но справедливо отмечается, например, в работе М.А. Давлетбаевой, что истина в ходе судебных разбирательств всегда носит относительный характер. Более того, не исключена и возможность отклонения от неё, что обусловливается не только несовершенством судебных процедур, но и различными проблемами, в том числе связанными с недостатками законодательства. Поэтому говорить о том, что гражданский процесс, как и любой иной судебный процесс, нацелен на поиск истины, крайне затруднительно. Это означает и обоснованность фактического отказа от поиска объективной истины [20, с. 23-25].

Такой взгляд на гражданский процесс опосредован нормами ГПК РФ, где отсутствуют какие-либо упоминания о поиске истины. Одновременно с этим, в материалах судебной практики о важности поиска истины, в том числе и объективной истины, упоминается нередко [18]. То есть сама нацеленность гражданского процесса на поиск истины вызывает некоторые сомнения, хотя однозначно заявлять о том, что современный гражданский процесс на поиск истины не нацелен, было бы ошибкой, в том числе и с учётом сложившейся судебной практики, в материалах которой об истине прямо говорится.

Здесь надо сказать, что во многом нацеленность судов на поиск истины продиктована былым советским опытом и наличием в советском гражданском

процессуальном законодательстве [17] упоминаний о необходимости поиска истины.

Можно было бы выразить мнение о необходимости возврата к советскому опыту и введению в ГПК РФ норм, ориентирующих суды на поиск истины. Однако, тому есть определённые препятствия, а именно ограниченность суда в возможности истребования доказательств. Поэтому искомая истина если и имеет место быть, то носит формальный характер [19].

Определённо активность суда в поиске истины действующее законодательство ограничивает принципом состязательности сторон [21]. Поэтому суд если и заинтересован в поиске истины, то лишь формальной, то есть такой, которая удовлетворит закон. Но она не обязательно должна носить объективный во всех смыслах этого слова характер, несмотря на то, что об объективной истине суды и упоминают в своих актах.

В.Е. Левченко связывает объективность судебного разбирательства с независимостью суда [22, с. 117, 119], что тоже принципиально важно и нами полностью поддерживается. Однако лишь независимостью суда объективность не может быть достигнута; это лишь одно из условий её обеспечения.

В свете представленных проблемы логично было бы задать вопрос: насколько вообще объективным может (должно) быть разбирательство в рамках судебного процесса в целом и гражданского процесса в частности? Законодатель, конечно, не безосновательно предписывает придерживаться принципа объективности, что логично, целесообразно и крайне важно, особенно если учесть, что правосудие должно осуществляться исходя из принципов равенства и справедливости. Однако в саму судебную процедуру заведомо заложена и идея субъективности. Более того, имеется целый ряд норм, которые, если не абсолютизируют субъективность, то, по крайней мере, придают ей особое значение. Это становится очевидным, если учесть возможность судьи, причём именно правомерную, ориентироваться в принятии решения на свою совесть, на своё собственное правосознание. Разумеется, совесть является феноменом

крайне субъективным; у каждого человека взгляд на те или иные вопросы с позиции собственной совести сугубо индивидуален, несмотря на наличие некоторой общности взглядов относительно фундаментальных правовых ценностей. Потому тот же принцип объективности каждый индивид видит по-своему, субъективно.

Заключение

В нормах законодательства отражён формальный аспект объективности гражданского судопроизводства, однако содержательный аспект практически не отражён. Нельзя сделать однозначный вывод о том, в чем же конкретно объективность заключается, по мнению законодателя. Но смеем предположить, что в значительной мере она состоит в ограничении субъективного взгляда суда на судопроизводство и вопрос принятия процессуально значимых решений. В то же время нельзя сказать и о том, что формальный аспект в нормах законодательства полноценно отражён, в этом тоже имеются некоторые изъяны.

С учётом изложенного считаем необходимым дополнить ч. 3 ст. 123 Конституции РФ упоминанием принципа объективности судопроизводства.

С доктринальной точки зрения считаем необходимым рассматривать принцип объективности как идею, минимизирующую возможность субъективного принятия судом решений по процессуально значимым вопросам.

Приходим к выводу о том, что абсолютная объективность в гражданском судопроизводстве, как и любом ином судопроизводстве, достигнута быть не может ввиду наличия возможности принятия судом решений по процессуально значимым вопросам исходя из собственного субъективного усмотрения. Возможности суда в поиске объективной истины жёстко ограничены, прежде всего, принципом состязательности и определёнными запретами самостоятельно осуществлять поиск и истребование доказательств.

Список литературы

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
14. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
16. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 26. Ст. 2399.
17. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. - утратил силу.
18. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 по делу № 88-654/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350975330?section=text>
19. Васильева А.В. Принцип объективной истины доказательного права в гражданском процессе России и КНР: от советской модели до современности / А. В. Васильева // Фемида. Science. 2025. № 1(16). С. 102-111.
20. Давлетбаева М.А. Объективная истина в состязательном гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 2. С. 22-28.
21. Илюхина В.А. Принципы объективной истины и активности суда как доктринальные принципы права // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 3. С. 262-266.
22. Левченко В.Е. Принцип независимости судей как конституционная гарантия объективности и справедливости разрешения споров в гражданском процессе // Власть Закона. 2014. № 1(17). С. 114-120.

23. Ширяева К.А. Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве: дис. ... кандидата юридических наук. Саратов, 2023. 186 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ (red. ot 23.07.2025) «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 1. St. 1.
3. Grazhdanskij processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
4. Zakon RF ot 26.06.1992 № 3132-1 (red. ot 10.07.2023) «O statute sudej v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 26. St. 2399.
5. Grazhdanskij processual'ny'j kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964) // Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR. 1964. № 24. St. 407.
6. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 10.03.2022 po delu № 88-654/2022 // Arxiv reshenij arbitrazhny'x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350975330?section=text>
7. Vasil'eva A.V. Princip ob`ektivnoj istiny` dokazatel'nogo prava v grazhdanskom processe Rossii i KNR: ot sovetskoj modeli do sovremennosti / A. V. Vasil'eva // Femida. Science. 2025. № 1(16). S. 102-111.
8. Davletbaeva M.A. Ob`ektivnaya istina v sostyazatel'nom grazhdanskom processe // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2025. № 2. S. 22-28.
9. Ilyuxina V.A. Principy` ob`ektivnoj istiny` i aktivnosti suda kak doktrinal'ny'e principy` prava // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3. S. 262-266.

10. Levchenko V.E. Princip nezavisimosti sudej kak konstitucionnaya garantiya ob`ektivnosti i spravedlivosti razresheniya sporov v grazhdanskom processe // Vlast` Zakona. 2014. № 1(17). S. 114-120.
11. Shiryayeva K.A. Ob`ektivnost` sudebnogo razbiratel`stva v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kandidata yuridicheskix nauk. Saratov, 2023. 186 s.

CONTENTS

5.1.3. Private law (civil) sciences.....	8
Atkinson J. THE PROBLEM OF CONSUMER RIGHTS ABUSE WHEN RETURNING GOODS	8
Harrison K. THE PROBLEM OF REGULATING THE GROUNDS FOR RECUSAL OF AN EXPERT IN CIVIL PROCEEDINGS	18
Farrall S. ON THE PROBLEM OF SETTING LIMITS FOR THE USE OF RESIDENTIAL PREMISES IN ARTICLE 17 OF THE HOUSING CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	28
Larrauri E. ISSUES OF REGULATING THE FAMILY AND LEGAL STATUS OF PERSONS LIVING TOGETHER IN THE ABSENCE OF A REGISTERED MARRIAGE.....	38
Iesue L. ABOUT CRITERIA FOR ASSESSING NON-PECUNIARY DAMAGE	49
5.1.2. Public and legal sciences	62
Derlich D. ON THE CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT AND SOME PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION	62
Daken J.S. APPEALING THE RESULTS OF THE UNIFIED STATE EXAM: PROBLEMS OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE	77
Aiken M. ISSUES OF COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL PROHIBITION OF MONOPOLIZATION UNDER THE FEDERAL LAW "ON NATURAL MONOPOLIES"	90
Samararatne D. ON THE DIFFICULTIES OF OVERCOMING THE ACCUSATORY BIAS OF THE JUDICIAL AUTHORITIES WHEN CONSIDERING CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES	102
Dzhokhurun N.J. PROBLEMS OF ENSURING THE OBJECTIVITY OF CIVIL PROCEEDINGS: FORMAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS	116